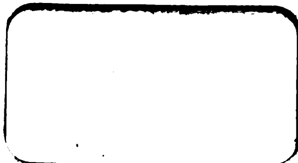
Bd. April 1934





БИБЛІОТЕКА СУДЕБНЫХЪ ПРОЦЕССОВЪ.

Дѣло д-ра МОДЛИНСКАГО

Совершеніе операціи безъ согласія больного

Судебный матеріалъ по производствамъ въ окружномъ судѣ, судебной палатѣ и правит. сенатѣ.—Статья Н. С. Таганцева „Уголовная отвѣтственность хирурговъ".—Рѣшеніе Германскаго Имперскаго Суда отъ 31 мая 1894 г. по однородному дѣлу.—Статьи закона, относящіяся къ отвѣтственности врачей.

Цѣна 30 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Я. А. КАНТОРОВИЧА.
1903.

Складъ изданія въ книжномъ складѣ „Юридическая Помощь", С.-Петербургъ, Ямская, 21.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3 Мая 1903 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Дѣло доктора Модлинскаго.

Производство операціи безъ согласія больного.

I. Предварительное слѣдствіе.

25 января 1901 г. судебнымъ слѣдователемъ 18 участка г. Москвы составлено было постановленіе о привлеченіи доктора медицины Петра Игнатьева *Модлинскаго* въ качествѣ обвиняемаго, слѣдующаго содержанія: 1 марта 1900 г. крестьянка Прасковья Чернова, 18 л., явилась съ своей матерью въ хирургическую лечебницу доктора Модлинскаго посовѣтоваться по поводу бывшаго у нея нароста на шеѣ. По предложенію Модлинскаго и съ согласія Прасковьи Черновой и ея матери, опухоль на шеѣ была удалена того же перваго марта, причемъ при изслѣдованіи больной передъ операціей у нея въ полости живота была обнаружена кистозная опухоль; 4 марта опухоль эта была изслѣдована вновь; 5 марта произведена Прасковьѣ Черновой докторомъ Модлинскимъ операція чревосѣченія для удаленія опухоли въ полости живота, а 10 марта утромъ Прасковья Чернова скончалась при явленіи остраго септическаго воспаленія брюшины. Отецъ и мать покойной Черновой на другой же день явились въ управленіе 1 уч. Якиманской части и заявили, что операція чревосѣченія сдѣлана ихъ дочери безъ ихъ на то согласія. Дѣйствительно, показаніемъ свидѣтельницъ, Рейнгольдъ, Блау, Кузнецовой и Колпаковой, удостовѣрено съ несомнѣнностью, что операція чревосѣченія произведена надъ Прасковьей Черновой не только безъ ея согласія, но даже безъ ея вѣдома, а также и безъ согласія и разрѣшенія ея отца и матери. Медицинскій департаментъ, на разсмотрѣніе котораго восходило настоящее дѣло, въ своемъ заключеніи высказалъ, что всякую операцію чревосѣченія должно считать серьезной, дающей извѣстный процентъ смертности (п. 1), что смерть Черновой несомнѣнно находится въ

связи съ операціей чревосѣченія (п. 2), что въ производствѣ этой операціи 5 марта безусловной необходимости не было (п. 4), и что согласіе больной или ея родителей на производство операціи слѣдуетъ считать обязательнымъ (п. 5). Принимая во вниманіе, что такимъ образомъ докторъ медицины Петръ Игнатьевъ Модлинскій изобличается въ томъ, что, опредѣливъ у крестьянки Прасковьи Ивановой Черновой присутствіе въ области живота кистозной опухоли, зная, что операція удаленія подобной опухоли представляетъ большую смертельную опасность и не спросивъ, тѣмъ не менѣе, по явной съ его стороны неосторожности, согласія названной Черновой и ея родителей, крестьянъ Ивана и Матрены Черновыхъ, произвелъ 5 марта 1900 г. въ г. Москвѣ эту операцію, въ немедленномъ производствѣ которой безусловной необходимости не было, каковая операція вызвала острое септическое воспаленіе брюшины и смерть Черновой, т. е. въ дѣяніи явно неосторожномъ, повлекшимъ за собою смерть Черновой, что это его дѣяніе является предусмотрѣннымъ 1468 ст. улож., судебный слѣдователь постановилъ: доктора медицины Петра Игнатьева Модлинскаго привлечь по настоящему дѣлу въ качествѣ обвиняемаго, предъявивъ ему обвиненіе по 1468 ст. улож.

На это постановленіе судебнаго слѣдователя д-ръ Модлинскій принесъ жалобу въ Московскій окружный судъ, который 13-го марта 1901-го года, по VIII отдѣленію, въ распорядительномъ засѣданіи въ слѣдующемъ составѣ: предсѣдатель Н. В. Давыдовъ и члены суда А. П. Парелаго и П. И. Салтыковъ при прокурорѣ С. Д. Набоковѣ и за помощника секретаря Патрикѣевѣ, слушалъ по докладу предсѣдателя означенную жалобу.

Окружной судъ, въ опредѣленіи своемъ отъ 13 марта 1901 года, разсуждалъ, что въ жалобѣ своей Модлинскій проситъ объ отмѣнѣ постановленія судебнаго слѣдователя на томъ основаніи, что въ инкриминируемомъ ему дѣяніи производство операціи чревосѣченія и удаленія кистозной опухоли изъ брюшной полости кр. Черновой, послѣ которой она умерла, нѣтъ признаковъ преступленія, предусм. 1468 ст. улож., а имѣется налицо лишь безкорыстное исполненіе имъ, какъ врачемъ, обязанностей своихъ, вызванное желаніемъ возвратить здоровье смертельно больной Черновой. По мнѣнію Модлинскаго, поставленная ему слѣдователемъ въ вину неосторожность—отсутствіе согласія оперируемой Черновой и ея родителей на производство опасной операціи—чревосѣченіе, во 1-хъ, не является таковою въ виду того, что, какъ установлено экспертами, положеніе больной Черновой давало показаніе на эту операцію, а затѣмъ и не стоитъ въ причин-

ной связи со смертью Черновой, такъ какъ смерть ея послѣдовала бы и при наличности ея согласія на операцію и что, кромѣ того, операція была произведена правильно и по дѣлу установлено необходимость ея.

Окружный судъ нашелъ, что дѣяніе врача Модлинскаго, заключавшееся въ томъ, что онъ самовольно, безъ согласія кр. Черновой, поступившей въ его лечебницу, исключительно для удаленія хирургическимъ способомъ нароста на шеѣ и вопреки воли ея родителей, захлороформировавъ Чернову, что, между прочимъ, лишило ее возможности физическаго сопротивленія, произвелъ на ней опасную (40% смертности) и не представлявшуюся безусловно необходимой операцію удаленія найденной имъ у Черновой въ полости живота кистозной опухоли путемъ чревосѣченія, послѣдствіемъ чего была смерть Черновой, дѣйствительно не носитъ характера неосторожности, но, съ другой стороны, не является дѣяніемъ безразличнымъ съ точки зрѣнія закона, охраняющаго личную свободу, неприкосновенность и безопасность каждаго человѣка, а несомнѣнно преступнымъ. Къ этому выводу судъ приходитъ по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) законъ охраняетъ прирожденное естественное право каждаго человѣка на жизнь и личную неприкосновенность цѣлымъ рядомъ предупредительныхъ и карательныхъ постановленій; 2) на этомъ основаніи никто не имѣетъ права причинить другому лицу, помимо его согласія, тѣ или другія физическія страданія, причинить пораженія и вообще оказать насиліе, хотя бы дѣйствія эти предпринимались не съ цѣлью вреда потерпѣвшему; 3) исключенія представляютъ случаи спасенія погибающаго (нормально съ молчаливаго согласія его) или удержанія кого-либо отъ совершенія преступленія, огражденія сумасшедшаго и, вообще, находящагося въ безсознательномъ состояніи человѣка; 4) точно также принудительное насильственное леченіе взрослаго, сознающаго себя человѣка, не только хирургическое, опасное для жизни, но и общее не допускается, какъ проявленіе насилія надъ личностью человѣка; 5) исключеніемъ является обязательное леченіе, устанавливаемое въ видахъ общественной пользы, государствомъ (оспопрививаніе, помѣщеніе въ особыя больницы захворавшихъ холерою, чумой и т. п. эпидемическими болѣзнями), но на таковое, въ строго опредѣленныхъ случаяхъ, имѣютъ право лишь спеціальные агенты правительства, а не частныя лица, хотя бы врачи; 6) никто не можетъ заставить (насиліемъ физическимъ) взрослаго человѣка, страдающаго какимъ либо физическимъ дефектомъ, удалить этотъ дефектъ, тѣмъ болѣе путемъ опасной для жизни хирургической операціи,

*

а потому, произведенная противъ воли паціента операція является посягательствомъ, караемымъ закономъ, на личную безопасность потерпѣвшаго; 7) высказанное докторомъ Модлинскимъ, въ жалобѣ его, положеніе объ отсутствіи причинной связи между согласіемъ Черновой и ея родителей на операцію и смертью потерпѣвшей невѣрно, ибо разъ какъ Чернова и ея родители согласія на операцію не давали, то она и не могла быть произведена, а слѣдовательно и не послѣдовало-бы смерти Черновой отъ септическаго воспаленія брюшины, а когда, отъ какой причины и при какихъ обстоятельствахъ могла послѣдовать смерть Черновой, остается совершенно неизвѣстнымъ; 8) въ данномъ случаѣ Чернова не находилась въ состояніи непосредственно погибающей, при которомъ каждый долженъ былъ бы считать себя обязаннымъ учинить надъ нею насиліе для ея спасенія. Такое положеніе наступило для Черновой лишь по времени второй операціи чревосѣченія.

Обращаясь затѣмъ къ опредѣленію состава преступленія, обвиненіе въ коемъ падаетъ, по вышеизложеннымъ фактическимъ и юридическимъ признакамъ, на доктора медицины Модлинскаго, окружный судъ находитъ, что въ данномъ случаѣ имѣется на лицо преступленіе, предусм. 142 и 28 ст. уст. о нак. и 1466 ст. улож., т. е. самоуправство, осложненное особо увеличивающими вину обвиняемаго послѣдствіями его, устанавливающими для Модлинскаго высшую сравнительно подсудность. Такъ, врачъ Модлинскій, преслѣдуя личныя цѣли, научный интересъ, популярность, профессіональное желаніе устранить, во что бы то ни стало, изъ организма паціента болѣзненныя явленія, самовольно произвелъ надъ поступившей къ нему для леченія опухоли на шеѣ кр. Черновой, безъ ея вѣдома и согласія и вопреки волѣ ея родителей, не безусловно необходимую, но смертельно опасную операцію чревосѣченія, чѣмъ осуществилъ воображаемое право свое, какъ врача, распоряжаться по собственному усмотрѣнію поступившимъ къ нему для леченія совершенно другой болѣзни паціентомъ, причемъ моментомъ «насилія» явилось захлороформированіе Черновой, послѣдствіемъ же такого насильственно самоуправнаго дѣянія Модлинскаго, нарушившаго законъ, ограждающій личную неприкосновенность и безопасность каждаго, была смерть Черновой. Далѣе, судъ находитъ, что обвиненіе по фактическимъ даннымъ предъявлено Модлинскому судебнымъ слѣдователемъ вѣрно; другая же юридическая квалификація, даваемая нынѣ этому обвиненію судомъ, не вызываетъ необходимости въ отмѣнѣ постановленія слѣдователя о привлеченіи Модлинскаго къ дѣлу въ качествѣ обви-

няемаго и къ возвращенію дѣла для дослѣдованія, ибо наказанія по 1466 и 1468 ст. улож. одинаковы и оба не сопряжены съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ состоянія, и къ тому же настоящее дѣло уже находится въ распоряженіи прокурорскаго надзора. По симъ соображеніямъ и согласно съ заключеніемъ прокурора, окружный судъ опредѣляетъ: жалобу Петра Игнатьева Модлинскаго оставить безъ уваженія.

Въ слѣдственномъ производствѣ имѣются: 1) протоколъ судебно-медицинской экспертизы и 2) отношеніе медицинскаго Д-та М. В. Д.

1. Изъ протокола судебно-медицинской экспертизы видно, что:

1. Смерть крестьянки Черновой послѣдовала отъ остраго разлитого септическаго воспаленія брюшины. 2. Воспаленіе брюшины послѣдовало за операціей, произведенной 5 марта 1900 г. съ цѣлью удаленія опухоли изъ живота. Что же касается до причинной связи между операціей и воспаленіемъ брюшины, то нужно имѣть въ виду, что септическое воспаленіе брюшины можетъ быть обусловлено вообще: a) поступленіемъ заразнаго начала изъ самой опухоли; b) отъ инструментовъ, c) перевязочнаго матеріала, d) изъ воздуха, e) изъ самаго организма и пр. пр., но какой именно источникъ заразы имѣлъ мѣсто въ данномъ случаѣ, того рѣшить невозможно. 3. Операція, произведенная 5 марта, заключалась во вскрытіи брюшной полости и удаленіи изъ нея кисты, находившейся за листками брыжейки. 4. По микроскопическому изслѣдованію опухоль удаленная изъ живота, была киста, происшедшая, по всему вѣроятію, изъ лимфатической системы, какъ это было совершенно вѣрно распознано докторомъ Модлинскимъ до операціи. 5. Всякая мѣшетчатая опухоль, находящаяся въ полости живота, даетъ показаніе къ операціи удаленія ея. Что касается до очень рѣдкихъ лимфатическихъ мезентеріальныхъ кистъ, то, насколько можно судить по новѣйшимъ литературнымъ даннымъ, онѣ представляются опасными для жизни и оперативное удаленіе ихъ тѣмъ болѣе показуется. 6. Всякая операція чревосѣченія (лапаратомія) представляется серьезной, такъ какъ оперирующій врачъ никогда не можетъ ручаться за благопріятный исходъ ея. Хотя лапаратоміи вообще даютъ въ послѣднее время приблизительно 9—10% смертности, но если взять спеціальную статистику оперированія мезентеріальныхъ опухолей, то процентъ смертности возвышается втрое и даже вчетверо. 7. Насколько можно судить на основаніи данныхъ вскрытія трупа Черновой, операція произведена въ техническомъ отношеніи совершенно правильно. 8. Операція лапаратомія про-

тивопоказуется при острыхъ инфекціонныхъ или воспалительныхъ заболѣваніяхъ какъ, напр., при тифѣ, крупозномъ воспаленіи легкихъ, оспѣ, дифтеритѣ и пр.; но повышеніе температуры вообще не противопоказуетъ операціи и хлороформированія. Кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что въ самый день производства операціи, какъ видно изъ слѣдственнаго дѣла, никакого повышенія температуры не наблюдалось. Произведенная 1 марта операція на шеѣ и повышеніе температуры за день до лапаратоміи также не могли служить противопоказаніемъ къ лапаратоміи (см. отвѣтъ 16). 9. Повторенное хлороформированіе само по себѣ не представляется неосторожнымъ дѣйствіемъ и вообще, насколько видно изъ слѣдственнаго дѣла, не было никакихъ противопоказаній къ хлороформированію больной 3 раза въ теченіе 5 дней. 10. Отвѣтъ на 10 вопросъ уже высказанъ нами въ п. 8. 11. Судить о томъ, были ли выполнены предъ производствомъ лапаратоміи всѣ необходимыя приготовленія для операціи, возможно было въ томъ случаѣ, еслибы объ этомъ имѣлись въ дѣлѣ подробныя показанія врачей, производившихъ операцію. За отсутствіемъ же таковыхъ показаній, мы не можемъ дать опредѣленнаго отвѣта. Во всякомъ случаѣ тѣ приготовительныя къ операціи мѣры, о которыхъ упоминается въ слѣдственномъ дѣлѣ, были правильны. 12. Леченіе больной послѣ операціи лапаратоміи представляется вполнѣ основательнымъ. Симптомы воспаленія брюшины появились на 3 день послѣ операціи, какъ это обыкновенно и наблюдается. 13. Назначеніе слабительныхъ послѣ операціи лапаратоміи вполнѣ показуется, а потому оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться недостаточно осторожнымъ дѣйствіемъ и тѣмъ болѣе, что начинающееся воспаленіе брюшины можетъ иногда излечиваться отъ употребленія слабительныхъ средствъ. 14. Отвѣтъ на 14 вопросъ явствуютъ изъ соотвѣтствующихъ пунктовъ 8—13. 15. Вторичное вскрытіе полости живота (операція 9 марта) была необходима, какъ послѣдняя мѣра для спасенія жизни Черновой, тѣмъ болѣе, что на основаніи болѣзненныхъ припадковъ можно было подозрѣвать или воспаленіе брюшины, или непроходимость кишекъ, а послѣдняя лечится исключительно при помощи чревосѣченія. 16. Операція, произведенная 1 марта, состояла, какъ видно изъ слѣдственнаго дѣла, въ удаленіи опухоли на шеѣ. Насколько можно судить на основаніи данныхъ вскрытія трупа, теченіе послѣ-операціоннаго періода было благопріятное и потому не могло имѣть вліянія на общее состояніе здоровья Черновой. 17. За исключеніемъ случаевъ, требующихъ безусловно немедленной оперативной помощи, у врачей принято обыкно-

венно спрашивать согласія на производство операціи у самого больного и при его малолѣтствѣ—его родителей или родственниковъ. Въ данномъ же случаѣ, съ точки зрѣнія врачебныхъ обычаевъ, было вполнѣ достаточно согласія на операцію одной только Прасковьи Черновой, какъ взрослой 18-лѣтней дѣвицы. Заслуженный ординарный профессоръ Снегиревъ. Заслуженный ординарный профессоръ Нейдингъ. Прозекторъ при кафедрѣ судебной медицины Минаковъ. Врачъ Якиманской части. М. Нѣмцевъ.

2) Вслѣдствіе сообщенія судебнаго слѣдователя дѣло о смерти Черновой внесено было на разсмотрѣніе Медицинскаго Совѣта, который далъ слѣдующее заключеніе:

Вслѣдствіе сообщенія вашего высокородія отъ 17 октября 1900 г. за № 2571 дѣло о смерти крестьянки Черновой было внесено на заключеніе медицинскаго совѣта. Разсмотрѣвъ дѣло, медицинскій совѣтъ на поставленные вопросы признаетъ возможнымъ дать слѣдующіе отвѣты: 1) Всякая операція чревосѣченія должна считаться серьезной, дающей извѣстный процентъ смертности. 2) Смерть Черновой, несомнѣнно, находится въ связи съ операціей вообще, но обусловливается ли смерть именно изліяніемъ содержимаго опухоли въ брюшную полость, съ положительностью сказать нельзя; скорѣе слѣдуетъ думать, что содержимое опухоли, съ точки зрѣнія заразительности, было безвредно, ибо въ протоколѣ изслѣдованія опухоли, вырѣзанной изъ брюшной полости (произведеннаго помощниками прозектора при патолого-анатомическомъ институтѣ Императорскаго Московскаго университета Власовымъ), значится, что результаты бактеріологическаго изслѣдованія отрицательны. 3) Операція была произведена правильно. 4) При установленномъ распознаваніи (оказавшемся вѣрнымъ) растущей опухоли въ брюшной полости операція должна считаться показанной, но въ производствѣ этой операціи (лапаратоміи) 5 марта безусловной необходимости не было. 5) Согласіе больной или ея родителей на производство операціи слѣдуетъ считать обязательнымъ. О такомъ постановленіи медицинскаго совѣта, отъ 9 сего января за № 35, утвержденномъ 10 того же января товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, медицинскій департаментъ имѣетъ честь увѣдомить васъ, милостивый государь, съ возвращеніемъ за № 31.

На основаніи изложеннаго д-ръ Модлинскій былъ привлеченъ къ отвѣтственности по обвинительному акту слѣдующаго содержанія:

II. Обвинительный актъ.

10 марта 1900 г. въ г. Москвѣ въ хирургической клиникѣ доктора медицины Модлинскаго умерла отъ септическаго воспаленія брюшины крестьянка дер. Дудкина, Подольскаго уѣзда, Прасковья Иванова Чернова, 18 лѣтъ. На слѣдующій день въ управленіе 1 уч. Якиманской части явился отецъ умершей, крестьянинъ Иванъ Ивановъ Черновъ, и заявилъ, что дочь его умерла отъ операціи, произведенной неправильно и безъ согласія какъ самой больной, такъ и ея родителей. На возникшемъ по этому поводу предварительномъ слѣдствіи установлены были нижеслѣдующія обстоятельства: Иванъ Ивановъ Черновъ и жена его Матрена Тихонова рѣшились обратиться къ врачебной помощи, въ которой нуждалась ихъ дочь Прасковья, потому что у ней имѣлась на шеѣ подъ нижней челюстью опухоль. Розыскавъ, по рекомендаціи знакомыхъ, клинику доктора Модлинскаго, Матрена Чернова вмѣстѣ съ дочерью 1 марта явилась туда и узнала, что опухоль ничего серьезнаго не представляетъ и что въ клиникѣ согласны сдѣлать операцію удаленія ея. Въ виду этого Прасковья Чернова была оставлена матерью въ клиникѣ. Въ тотъ же день была произведена докторомъ Модлинскимъ операція, и опухоль на шеѣ удалена, но во время приготовленій къ этой операціи докторъ Модлинскій обнаружилъ присутствіе въ полости живота опухоли, повидимому кистозной, о которой ни сама больная, ни родители ея передъ тѣмъ никакихъ свѣдѣній не имѣли. На слѣдующій день 2 марта мать больной явилась въ клинику съ намѣреніемъ взять свою дочь домой, но ей было объявлено, что Прасковья должна остаться въ больницѣ еще 3 или 4 дня. 5 марта больной, при вполнѣ удачномъ ходѣ заживленія послѣ первой операціи, была произведена первая лапоратомія, и обнаруженная врачемъ Модлинскимъ опухоль въ области живота была имъ удалена. Въ послѣдующіе затѣмъ дни въ теченіи болѣзни произошла перемѣна къ худшему и обнаружились явленія воспаленія брюшины. Поэтому 9 марта была произведена надъ Черновою вторая лапоратомія, обнаружившая признаки септическаго перитонита и, несмотря на принятыя при этой операціи мѣры къ прекращенію воспалительнаго процесса, 10 марта, какъ указано выше, послѣдовала смерть Черновой. Изъ имѣющихся въ дѣлѣ заключенія профессоровъ Снегирева и Найдинга, прозектора Минакова и врача Якиманской части Нѣмцева, сообщенія Московскаго врачебнаго управленія и, наконецъ, отзыва медицинскаго департамента мини-

стерства внутреннихъ дѣлъ видно, что операція чревосѣченія представляется серьезной, дающей извѣстный процентъ смертности, и что смерть Черновой является послѣдствіемъ произведенной надъ ней операціи. Къ сему медицинскій департаментъ присовокупляетъ, что въ дѣлѣ не имѣется данныхъ, указывающихъ на то, чтобы производство операціи именно 5 марта вызывалось необходимостью, и что согласіе больной или ея родителей слѣдовало считать обязательнымъ. Иванъ Ивановъ и Матрена Тихонова Черновы показали, что до поступленія въ клинику Модлинскаго дочь ихъ никогда не жаловалась на опухоль въ желудкѣ, что помѣстили они ее въ клинику исключительно для удаленія опухоли на шеѣ, которая хотя и была безболѣзненною, но портила красивую внѣшность Прасковьи, что о согласіи на производство операціи чревосѣченія ихъ никто въ клиникѣ не спрашивалъ и о ней они узнали только послѣ того, какъ эта операція была уже сдѣлана. Къ этому Иванъ Ивановъ Черновъ добавилъ, что 9 марта, наканунѣ смерти дочери, онъ видѣлся съ нею, и она жаловалась ему на то, что онъ, будто бы, разрѣшилъ операцію, чего въ дѣйствительности не было. Изъ лицъ, состоявшихъ въ означенное время на службѣ въ клиникѣ Модлинскаго, допрошенъ, между прочимъ, ассистентъ послѣдняго, врачъ Яковъ Лазаревъ Коцубей, который показалъ, что, по обнаруженіи у Черновой опухоли въ области живота, онъ уговаривалъ и больную и ея мать согласиться на операцію. Лишь черезъ нѣсколько дней онѣ, послѣ упорныхъ отказовъ, согласились, причемъ однако свидѣтель имъ не говорилъ, что операція сопряжена съ опасностью для жизни. Во время самой операціи опухоль лопнула и часть ея содержимаго вылилась въ область желудка. Приведенное показаніе свидѣтеля Коцубея о томъ, что Матрена Чернова «черезъ нѣсколько дней» выразила согласіе на операцію чревосѣченія, находится въ противорѣчіи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что, какъ видно изъ показанія Черновой, она не посѣщала свою дочь со 2 марта по 9-е число, когда операція была уже совершена. Показаніями же фельдшерицъ Югаръ, Рейнгольдъ, Блау и служившихъ нянями при клиникѣ Кузнецовой и Колпаковой, установлено, что 5 марта, когда Чернову принесли въ операціонную комнату Модлинскаго и положили на столъ, она спросила Модлинскаго, что съ нею будутъ дѣлать. Модлинскій отвѣтилъ, что будутъ дѣлать перевязку, послѣ чего она была хлороформирована и подвергнута чревосѣченію. Когда затѣмъ больная была приведена въ сознаніе и замѣтила у себя новую повязку, она спросила, зачѣмъ у нея завязанъ животъ. Догадавшись, что ей сдѣлали

операцію, такъ какъ отъ нея этого скрыть не удалось, она стала метаться, весь день была въ сильномъ безпокойствѣ и неоднократно повторяла жалобы на то, что ей рѣзали животъ безъ ея согласія. Явившійся затѣмъ ея отецъ сталъ ее упрекать, предполагая, что она согласилась на операцію, но больная возразила, что ей ничего заранѣе не говорили, а дали чего-то понюхать и затѣмъ сдѣлали, что хотѣли. Привлеченный къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго докторъ Модлинскій, признавая, что смерть Черновой была послѣдствіемъ произведенной имъ операціи, утверждалъ, что таковая была предпринята исключительно въ интересахъ умершей; что согласіе ея родителей на операцію онъ получилъ черезъ своего ассистента Коцубея, а отъ самой больной получилъ это согласіе лично, въ присутствіи одного изъ своихъ ассистентовъ—Коцубея или Неймарка, а можетъ быть, и обоихъ. Послѣдняго обстоятельства, однако, ни тотъ, ни другой изъ ассистентовъ обвиняемаго не подтвердили. На основаніи изложеннаго, докторъ медицины Петръ Игнатьевъ Модлинскій обвиняется въ томъ, что 5 марта 1900 г. въ г. Москвѣ, въ своей клиникѣ, опредѣливъ у бывшей у него на излеченіи крестьянки Прасковьи Черновой, 18 л., кистозную опухоль въ области живота, зная что операція чревосѣченія и извлеченія этой опухоли представляетъ опасность для жизни больной и не будучи вынужденнымъ обстоятельствами къ немедленному производству ея, онъ, безъ согласія больной или ея родителей, самовольно, приведя Чернову въ безсознательное состояніе посредствомъ хлороформа, произвелъ означенную операцію, вслѣдствіе которой потерпѣвшая 10 марта умерла. Означенное преступленіе предусмотрѣно 142 ст. уст. о нак. и 1466 ст. улож., почему и на основаніи 200 уст. угол. суд. докторъ Модлинскій подлежитъ суду Московскаго окружнаго суда безъ участія присяжныхъ засѣдателей.

III. Судебное засѣданіе Московскаго Окружнаго Суда.

Дѣло это слушалось 15 ноября 1901 года, безъ участія присяжныхъ засѣдателей, подъ предсѣдательствомъ члена суда *И. Н. Халютина* и членовъ *В. С. Андреева* и *А. А. Варгасова*. Обвиненіе поддреживалъ тов. прокурора *В. В. Цубербиллеръ*, защитникъ Модлинскаго прис. повѣренный *А. Р. Ледницкій*. Экспертами были профессора: *В. Ѳ. Снегиревъ*, *И. И. Дьяконовъ*, *И. И. Нейдингъ*, *П. А. Минаковъ* и полиц. врачъ *Нѣмцевъ*.

По прочтеніи обвинительнаго акта, на обычный вопросъ о виновности Модлинскій отвѣтилъ отрицательно. «Не могу», сказалъ онъ, «признавать себя виновнымъ въ такомъ преступленіи по той простой причинѣ, что я приступилъ къ операціи въ полной увѣренности на согласіе больной. По заведенному у насъ порядку, переговоры съ больными ведутъ ассистенты, операція эта не единственная на моей практикѣ, а потому спрашивать снова больную о ея согласіи въ данномъ случаѣ не было никакихъ основаній, особенно если принять въ соображеніе, что это было бы лишней каплей въ чашѣ ея страданій и могло только повліять крайне неблагопріятно на ея самочувствіе». Что же касается до печальнаго исхода операціи, то опять-таки въ этомъ надо винить не его: здѣсь имѣлъ мѣсто одинъ изъ тѣхъ несчастныхъ случаевъ, отвѣтственность за который не можетъ падать на человѣка. Онъ же, Модлинскій сдѣлалъ все, что было въ предѣлахъ его власти, чтобъ вырвать изъ объятій смерти Чернову, но, повидимому, ей было суждено умереть.

За симъ слѣдуютъ допросы свидѣтелей, причемъ первымъ былъ допрошенъ отецъ Черновой. Онъ подробно разсказалъ о своемъ приходѣ съ женой и больной дочерью въ лѣчебницу доктора Модлинскаго, куда, между прочимъ, его знакомые рекомендовали обратиться за совѣтомъ о болѣзни дочери. У послѣдней образовалась опухоль на шеѣ, значительно уродовавшая ея довольно красивое лицо. Въ лѣчебницѣ посовѣтовали имъ оставить дочь для производства надъ ней операціи удаленія опухоли, на что и было ими выражено согласіе. Опухоль была удалена, но, когда на слѣдующій день мать явилась за дочерью, ей сказали, что необходимо оставить дочь еще на нѣсколько дней. Никто однако не говорилъ женѣ его объ обнаруженной у больной опухоли въ животѣ, точно также никто не совѣтовался съ ней объ операціи 5-го марта, отъ которой Чернова и умерла. Когда свидѣтель явился самъ за дочерью, его не допустили даже къ ней на свиданіе ни въ первый разъ, ни вечеромъ, и лишь на другой день онъ увидѣлъ дочь, которая съ первыхъ же словъ стала посылать упреки по адресу родителей за то, что они позволили произвести надъ ней такую серьезную операцію. Это, конечно, сильно удивило свидѣтеля. Видъ больной произвелъ на него удручающее впечатлѣніе: она была блѣдна, какъ смерть, и въ тотъ-же день Богу душу отдала.

Жена Чернова въ общемъ подтвердила показанія мужа, указавъ, что о существованіи опухоли въ животѣ больной они и не подозрѣвали. Удалить же опухоль на шеѣ они согласились, потому что Пра-

сковья, дѣвушка красивая и здоровая, въ общемъ, не могла изъ-за этого выйти замужъ: опухоль ее уродовала.

Судъ послѣ нея допросилъ свидѣтеля Коцубея, ассистента доктора Модлинскаго. Онъ подтвердилъ, что обязанность испрашивать согласіе больныхъ на операцію и вообще вести съ ними переговоры по поводу операцій лежитъ на немъ. Въ данномъ случаѣ онъ долго уговаривалъ Чернову согласиться на лапоратомію, которая безусловно была необходима для спасенія больной. Послѣдняя долго не соглашалась, но черезъ нѣкоторое время дала свое согласіе. Когда больную приготовляли къ операціи, давали ей слабительное, накладывали бинтъ на животъ, то Чернова рѣшительно никому не жаловалась на то, что ее хотятъ оперировать безъ ея согласія. Ни одна изъ фельдшерицъ, по крайней мѣрѣ, не передавала ему, Коцубею, объ этомъ, а онъ не говорилъ и Модлинскому. Когда же приступили къ операціи, было обнаружено, что у Черновой мезентеріальная киста, которая вслѣдствіе утонченности стѣнокъ лопнула, и содержимое вылилось. Сейчасъ же Модлинскій принялъ всѣ мѣры къ удаленію жидкости, но вѣроятно, осталось нѣсколько капель, отъ которыхъ и произошло септическое воспаленіе брюшины. Единственнымъ средствомъ спасти больную было произвести вторичную лапоратомію, но это не помогло, не смотря на то, что все было сдѣлано для предотвращенія грозившей опасности: больная 10 марта умерла. Родители же покойной неоднократно бывали въ лѣчебницѣ и даже благодарили Модлинскаго: не надо забывать, что всѣ операціи производились безплатно.

Второй ассистентъ Модлинскаго, докторъ Неймаркъ, показалъ, что онъ при всѣхъ операціяхъ хлороформировалъ больную. По его мнѣнію, согласіе было выражено, иначе къ операціямъ не приступилъ бы хирургъ, да и изъ служащихъ въ лѣчебницѣ никто не говорилъ ему о несогласіи больной на операцію.

Тутъ, между прочимъ, Модлинскій, не будучи въ состояніи переносить тягости своего положенія, сталъ говорить снова и, весь дрожа отъ волненія, разсказалъ о томъ, что онъ переживалъ, когда обнаружилъ у Черновой присутствіе опухоли въ животѣ. Онъ не виновенъ въ ея смерти, онъ отдалъ всю свою жизнь наукѣ дѣйствовалъ все время въ интересахъ Черновой, чтобы спасти ее. Черезъ его руки прошли десятки тысячъ больныхъ, онъ дѣлалъ самыя сложныя операціи, но здѣсь было что-то роковое. Два года онъ страдаетъ уже изъ этого дѣла, онъ слышитъ со всѣхъ сторонъ незаслуженныя обиды за то, что онъ хотѣлъ спасти человѣка, стоявшаго одной ногой у порога смерти. Отецъ

покойной называлъ его «живодеромъ, живорѣзомъ», но чувства отца одержали верхъ надъ его разумомъ, иначе онъ не оцѣнилъ бы такъ отношеній врача, отношеній, полныхъ любви къ страждущему, руководимыхъ однимъ желаніемъ избавить ее отъ страданій. Больше Модлинскій не могъ говорить и въ крайне подавленномъ состояніи тяжело вздохнулъ и оборвалъ свою рѣчь.

Изъ другихъ свидѣтелей были вызваны фельдшерицы Рейнгольдъ, Блау и Югаръ, няньки Кузнецова и Колпакова, врачи Князьковъ и Мокіевскій. Фельдшерицы не явились въ засѣданіе суда, представивъ суду уважительныя причины неявки. Судъ поэтому постановилъ огласить ихъ показанія, данныя на предварительномъ слѣдствіи. Характернымъ является то, что всѣ три фельдшерицы первоначально удостовѣряли наличность согласія Черновой и ихъ родителей на производство второй операціи и при первомъ допросѣ всѣ онѣ показали, что не знаютъ точно, давала ли прямо согласіе Чернова, но полагаютъ, что таковое было. При вторичныхъ же допросахъ онѣ, руководствуясь желаніемъ показать всю правду, скорѣе отрицали фактъ выраженія согласія, напротивъ того, выражали увѣренность, что Чернова и не подозрѣвала ничего о предстоящей операціи. Что касается до порядковъ, господствующихъ въ лѣчебницѣ Модлинскаго, гдѣ онѣ прежде служили, то, по мнѣнію свидѣтельницъ, многаго оставляютъ желать эти порядки. Больныхъ кормятъ плохо, обращаются довольно грубо какъ съ больными, такъ и со всѣмъ персоналомъ служащихъ.

Врачи Мокіевскій и Князьковъ показали, что они видѣли Чернову, когда у нея образовался перетонитъ. Операціи, сдѣланныя Модлинскимъ, на которыхъ свидѣтель Князьковъ присутствовалъ, произведены безукоризненно, съ рѣдкимъ знаніемъ дѣла и ловкостью. И если у Черновой была обнаружена мезентеріальная киста, то для Модлинскаго это было совершенной неожиданностью. Князьковъ хорошо помнитъ, какъ хирургъ былъ пораженъ, ощупавъ у больной опухоль въ животѣ, какъ осторожно вырѣзывалась опухоль, чтобы не повредить ничѣмъ и не задѣть организма больной, какъ киста лопнула и содержимое вылилось вслѣдствіе утонченности стѣнокъ, и это обстоятельство было роковымъ для Черновой.

Послѣ нихъ давали показанія няньки Колпакова и Кузнецова. Онѣ въ общемъ нисколько не выясняли инересовавшаго судъ вопроса о согласіи Черновой, и ихъ показанія оказались несущественными.

Показаніями послѣднихъ былъ законченъ допросъ свидѣтелей, и

судъ перешелъ къ допросу экспертовъ, профессора-гинеколога В. Ѳ. Снегирева, професоровъ И. И. Нейдинга и Дьяконова. Мнѣнія экспертовъ раздѣлились. Такъ, проф. В. Ѳ. Снегиревъ, настаивая на заключеніи, данномъ имъ при предварительномъ слѣдствіи при судебно-медицинской экспертизѣ, добавилъ лишь, что надъ Черновой не слѣдовало бы дѣлать вторичной операціи особенно потому, что больная страдала болѣзнію почекъ (церрозомъ), при такихъ же случаяхъ операціи чревосѣченія даютъ огромный процентъ смертности. Само собой разумѣется, согласіе больной или ея родителей было необходимымъ, и безъ такого согласія, по мнѣнію эксперта, къ производству операціи приступать нельзя. Смерть Черновой послѣдовало отъ гнойнаго воспаленія брюшины, такъ какъ содержимое кисты было весьма злокачественнаго свойства. Операція произведена была правильно Модлинскимъ, въ его рукѣ виденъ опытный хирургъ, но жизненныхъ показаній на операцію, произведенную вторично имъ, экспертъ не усматриваетъ. Нѣтъ никакихъ доказательствъ того, чтобы Чернова страдала отъ опухоли въ животѣ, чтобы эта опухоль быстро увеличилась и стѣсняла больную, а потому она не было неотложной. По мнѣнію же остальныхъ экспертовъ, Нейдинга и Дьяконова, поведеніе Модлинскаго является вполнѣ согласнымъ съ требованіями хирургіи. Было бы очень преступно со стороны хирурга ждать показаній на операцію, и они вполнѣ понимаютъ Модлинскаго. Что Чернова все-таки умерла, это одинъ изъ несчастныхъ случаевъ въ хирургіи, но здѣсь важно было не пропустить минуты, а это сдѣлано имъ. Экспертамъ между прочимъ предлагались вопросы защитникомъ, достаточно ли согласіе 18-ти лѣтней дѣвушки не производство операціи, на что отвѣтъ былъ данъ утвердительный.

На этомъ и закончилось судебное слѣдствіе. Судъ приступилъ къ преніямъ сторонъ. Слово было предоставлено обвинителю въ лицѣ товарища прокурора Цубербиллера. «Нелегкое предстоитъ суду дѣло», началъ свою рѣчь представитель обвиненія. Нелегкое оно не только по послѣдствіямъ, какія оно имѣло для Черновой, но и потому, что дѣло это единственное въ русской судебной практикѣ: суду приходится высказаться впервые по вопросу, не разрѣшавшемуся ни въ литературѣ, ни въ практической дѣятельности. Сенатъ, насколько мнѣ извѣстно, также не высказывался по этому поводу. Докторъ П. И. Модлинскій обвиняется въ томъ, что онъ произвелъ операцію безъ согласія больной и ея родителей, послѣдствіемъ коей была смерть ея, а это предусмотрѣно 142 ст. уст. о нак. и 1466 улож. Дѣяніе его заключаетъ въ себѣ два элемента: оно, во-первыхъ, дѣя-

ніе самоуправное, а, во-вторыхъ, закономъ воспрещенное. Что онъ совершилъ операцію, не получивъ на это согласія, это явствуетъ изъ цѣлаго ряда свидѣтельскихъ показаній. Отецъ и мать покойной, свидѣтельницы Рейнгольдъ, Блау и Югаръ, а также няньки Кузнецова и Колпакова—всѣ онѣ сходятся на утвержденіи этого факта. Правда, нѣкоторыя изъ свидѣтельницъ первоначально показали одно, а затѣмъ другое, но именно послѣднее заслуживаетъ довѣрія, въ виду того именно, что прежнія отношенія свидѣтельницъ къ Модлинскому не позволяли имъ «говорить всю правду», выражаясь собственными ихъ словами. Вотъ почему, не подлежитъ сомнѣнію, что Модлинскій дѣйствовалъ на собственный страхъ и рискъ. Отсутствіе согласія доказывается и дальнѣйшими показаніями другихъ свидѣтелей. Ассистентъ Коцубей, давъ намъ крайне неустойчивыя и разнорѣчивыя показанія, ничуть но доказалъ того, что имъ было испрошено согласіе. Напротивъ того, Чернова долго не соглашалась, родители ея, повидимому, ничего не знали о предстоящей операціи, съ ними никто не совѣтовался, имъ никто не говорилъ о предстоящей операціи, никто не говорилъ даже о приготовленіяхъ къ операціи, объ обнаруженной Модлинскимъ опухоли въ животѣ больной, а эти слова заслуживаютъ полной вѣры, такъ какъ они проникнуты простотою и непосредственностью.

Но перейдемъ къ показаніямъ экспертовъ. Мнѣнія ихъ, правда не сходятся вполнѣ. Одинъ изъ нихъ не призналъ необходимости въ немедленномъ производствѣ операціи и даже, наоборотъ, утверждаетъ, что жизненныхъ показаній не имѣлось, а болѣзнь почекъ, которою она страдала, еще больше должна было остановить рѣшительную руку хирурга. Другіе же два эксперга склонны видѣть въ поведеніи Модлинскаго опытнаго хирурга, который принялъ сейчасъ же мѣры къ спасенію больной, не дожидаясь показаній на операцію. Я не могу судить о томъ, кто изъ экспертовъ правъ, чье мнѣніе заслуживаетъ бо́льшаго уваженія, но для меня несомнѣннымъ представляется лишь одно: ни согласія больной, ни ея родителей не послѣдовало, а это обстоятельство даетъ право суду не стать на сторону Модлинскаго. Онъ совершилъ посягательство на правовую сферу человѣка, на его жизнь, правда, во имя науки, а не изъ какихъ-либо корыстныхъ или иныхъ цѣлей, но судъ долженъ оградить общество отъ такихъ посягательствъ. Никто безъ согласія человѣка не можетъ посягнуть на его правовую сферу. Врачъ не можетъ лѣчить больного безъ его согласія, а тѣмъ менѣе подвергать его опе-

раціонному ножу. Я не отрицаю, Модлинскій, быть можетъ, прекрасный хирургъ, произведшій всѣ операціи по всѣмъ требованіямъ науки; онъ можетъ быть, и прекрасный человѣкъ, убѣжденный въ своей правотѣ, но онъ забылъ одно, что жизнь человѣка—это высшее благо и что каждый самъ воленъ въ своей жизни или смерти, что онъ самоуправно распорядился жизнью Прасковьи Черновой и что за это онъ долженъ понести наказаніе.

Защитникъ, присяжный повѣренный Ледницкій произнесъ слѣдующую рѣчь:

Гг. судьи! Я не могу скрыть отъ васъ того смущенія, въ которомъ нахожусь. Смущеніе это достигло крайнихъ предѣловъ, когда пришлось выслушать и разъяснить цѣлый рядъ научныхъ вопросовъ, въ которыхъ я являюсь профаномъ, которые исходятъ изъ чуждой намъ области медицинской науки. Я смущенъ еще и потому, что вопросъ, который предстоитъ вамъ рѣшить, вопросъ первостепенной важности.

Здѣсь судятъ не Модлинскаго, человѣка и гражданина, преступившаго общую для всѣхъ уголовную норму, а судятъ Модлинскаго—врача, хирурга, члена и представителя той профессіи, на которую законъ возлагаетъ обязанность охранять высшее благо человѣка—жизнь и здоровье, жизнь и здоровье всѣхъ насъ, всего общества. Вотъ почему въ исходѣ процесса заинтересовано все общество, всѣ мы—его члены и представители. Вотъ почему нужно особенно осторожно подойти къ разрѣшенію этого вопроса, вашъ приговоръ не долженъ быть постановленъ поспѣшно, онъ не долженъ разойтись съ закономъ, съ общественнымъ мнѣніемъ; вѣдь, сегодня, быть можетъ, врачебная дѣятельность будетъ втиснута въ такія рамки, поставлена въ такія условія. которыя тяжело отзовутся на правахъ врачей и на ихъ обязанностяхъ.

Я смущенъ, но съ годами совмѣстнаго труда я пришелъ къ убѣжденію, что передъ нашимъ судомъ все сказанное въ защиту будетъ принято во вниманіе, будетъ взвѣшено, что передъ нимъ блѣднѣютъ и меркнутъ всѣ, быть можетъ, талантливо нарисованные тѣневые виды принципіальныхъ, неразрѣшенныхъ судебной практикой вопросовъ, а лишь яркимъ свѣтомъ озаряется одна увлекающая судъ картина—справедливости, и я смѣло берусь за свою задачу.

Я защищаю д-ра Модлинскаго, котораго обвиняютъ въ самоуправствѣ, причемъ это обвиненіе осложняется ссылкой на другую статью, трактующую о совершеніи дѣяній, закономъ воспрещенныхъ. послѣдствіемъ которыхъ была смерть.

Въ хирургическую клинику Модлинскаго на Ордынкѣ 1-го марта пришла 18-лѣтняя крестьянская дѣвушка, Прасковья Чернова, дочь бѣднаго извозчика, и просила удалить портившую ея красоту, бывшую у нея на шеѣ опухоль.

Принимавшій Чернову ассистентъ Модлинскаго д-ръ Коцубей нашелъ, что опухоль кистознаго происхожденія и предложилъ больной и сопровождавшимъ ее родителямъ операцію. Черновы на это согласились и операція въ тотъ же день была произведена вполнѣ благополучно Модлинскимъ. Чернова по бѣдности была принята въ лѣчебницу безплатно.

Во время подробнаго изслѣдованія больной передъ операціей на шеѣ, д-ръ Модлинскій обнаружилъ у Черновой другую опухоль также кистознаго происхожденія въ полости живота; изслѣдовавъ опухоль, Модлинскій, какъ врачъ и хирургъ, пришелъ къ глубокому убѣжденію, что Черновой грозитъ опасность, что ее нужно спасти отъ неминуемой смерти, удаливъ кисту въ животѣ. Это сознаніе опасности больной и своего врачебнаго долга заставили Модлинскаго совершить тѣ дѣйствія, которыя по своимъ знаніямъ, закону и совѣсти онъ считалъ необходимыми и которыя сегодня ему вмѣняются въ вину, какъ преступное, наказуемое закономъ, дѣяніе.

Здѣсь свѣтила медицинской науки намъ разъяснили, что за операція была сдѣлана Модлинскимъ и что за опухоль была имъ удалена. Они установили, что нахожденіе въ организмѣ Черновой болѣзненнаго процесса, существованія и развитія кисты ежеминутно грозило опасностью для жизни Черновой, что можно было каждую минуту ожидать рокового исхода.

А если Модлинскій, какъ врачъ, спеціалистъ, посвятившій всю свою жизнь изученію медицинской науки и служенію ей, пришелъ къ убѣжденію, что опухоль у Черновой была такого свойства, что ее необходимо было оперировать, то можемъ ли, гг. судьи, мы, юристы по своей спеціальности, мало компетентные, мало свѣдущіе въ медицинской наукѣ, подвергать критикѣ, убѣжденіе врача, основанное на спеціальныхъ знаніяхъ, придти къ другому выводу и осудить Модлинскаго?

Я понимаю, если бы Модлинскій судился за то, что онъ отступилъ отъ обязательныхъ для хирурговъ требованій науки, если бы онъ обнаружилъ незнаніе или небрежность, то могла бы быть рѣчь о его виновности; но вѣдь допросомъ свидѣтелей и экспертовъ установлено, что ничего подобнаго не было, что будучи правильно убѣжденнымъ въ необходимости удаленія опухоли Черновой и имѣя ее

во время первой операціи на операціонномъ столѣ, подъ ножемъ, онъ не сдѣлалъ, однако, этого и только потому, что больная не была предупреждена объ операціи, не была къ ней готова.

Больную привели въ сознаніе, ее опросили и получили, по словамъ Коцубея, согласіе и затѣмъ снова приготовили къ операціи, которая и была произведена 5-го марта.

Здѣсь на минуту надо остановиться на томъ фактическомъ матеріалѣ, который имѣетъ серьезнѣйшее, почти рѣшающее въ этомъ дѣлѣ значеніе.

Не разъ мнѣ приходилось задумываться вообще надъ превратностью судьбы, надъ въ высшей степени трагическимъ, тяжелымъ положеніемъ человѣка, попавшаго подъ судъ.

Скамья подсудимыхъ, хотя бы на ней человѣкъ очутился по несчастному стеченію обстоятельствъ, хотя бы онъ не совершилъ ничего позорнаго, сразу мѣняетъ его положеніе.

Вчера онъ пользовался всеобщимъ довѣріемъ, для многихъ былъ авторитетомъ, которому вѣрили и слушались, а сегодня его словамъ противопоставляются показанія уволенной прислуги; присяжному показанію, честному слову врача не вѣрятъ, а настаиваютъ на достовѣрности безприсяжныхъ, трижды мѣнявшихся показаній выгнанныхъ нянекъ.

Модлинскій распоряжался жизнью многихъ сотенъ людей, спасъ многихъ отъ смерти, за нимъ стоитъ масса благодарныхъ паціентовъ, но ему не вѣрятъ. Тщетно онъ здѣсь заявляетъ, что ему и въ голову не могло придти, что Чернова не желаетъ операціи. Врачъ Коцубей подъ присягой убѣжденно говоритъ, что онъ совѣтовалъ Черновымъ согласиться на операцію, что Черновы не сразу согласились, что на другой день дали свое согласіе, что Прасковья хорошо знала о готовящейся операціи и ничѣмъ своего протеста не выражала, что онъ же сказалъ Модлинскому, что Чернова согласилась на операцію, что у нихъ въ лѣчебницѣ бывали случаи, когда больные не соглашались на операціи, и таковыя не дѣлались, что лапоратомія часто дѣлается въ ихъ клиникѣ, что научнаго интереса для Модлинскаго она не представляетъ, что Модлинскій совершенно безкорыстно, съ единственной цѣлью спасти жизнь больной, сдѣлалъ операцію,—ему также не вѣрятъ, его слова выкидываютъ за бортъ безъ всякихъ основаній, голословно заявляютъ, что врачъ Коцубей лгалъ, говорилъ неправду на судѣ. Но есть такія показанія, которыя сами за себя говорятъ, довѣріе къ которымъ ничѣмъ не подорвешь,—это объективныя, фактическія данныя.

И если мы прослѣдимъ ихъ, то станетъ ясной картина болѣзни Черновой и операціи, станетъ понятно, къ кому съ большимъ довѣріемъ надо относиться—къ тому ли, кто по своему положенію врача вправѣ на большее довѣріе, или къ тѣмъ, кто трижды мѣнялъ показанія, кто однажды во всякомъ случаѣ сказалъ неправду, кто въ своемъ родительскомъ горѣ быть можетъ утратилъ чувство справедливости.

Прасковья Чернова была помѣщена въ общую хирургическую палату, т. е. въ комнату, гдѣ лежали больные, перенесшіе операцію и готовящіеся къ ней.

Я не знаю, случалось ли вамъ бывать въ больницахъ. Еще студентомъ я бывалъ въ клиникахъ и знакомился съ жизнью въ нихъ.

Хирургическая палата—это тѣсно сплоченная семья, живущая одной общей жизнью; здѣсь только и разговора, что объ операціяхъ. Перенесшіе ее со всѣми подробностями разсказываютъ объ испытанныхъ мученіяхъ и страданіяхъ, съ какимъ-то злорадствомъ передаютъ жадно слушающимъ товарищамъ по несчастью, со страхомъ ожидающимъ своего дня, о томъ, что ихъ ждетъ, что надъ ними будутъ дѣлать. А тѣ,—тѣ съ любопытствомъ, съ ужасомъ и страхомъ разспрашиваютъ о мельчайшихъ подробностяхъ операціи, о томъ, что и когда дѣлаютъ. И вотъ въ такой обстановкѣ, гдѣ лежали трудно больные, Чернова живетъ четыре дня, готовясь къ операціи и ничего не знала. Да мыслимо ли это? Ее готовили 2 дня, въ этомъ спору нѣтъ. Ей ставили клизму, давали слабительное и мыли,—вы помните, гдѣ и въ какомъ мѣстѣ ее мыли—ужъ это одно должно было убѣдить 18-лѣтнюю дѣвушку, что не на шеѣ ей будутъ дѣлать операцію, ей брили волосы, наложили на животъ бинтъ. И все-таки Чернова не знала объ операціи? Чернова, которая уже перенесла операцію, которая испытала всѣ приготовленія, которой каждый день по нѣсколько разъ дѣлали перевязку раны на шеѣ? Очевидно, это неправдоподобно, невѣроятно. А разъ она знала, что ей будутъ дѣлать операцію, то чѣмъ же выразила свой протестъ?

Гдѣ же доказательства?

Но до момента операціи все шло гладко, хорошо, никто не спорилъ. Приготовили больную, перенесли въ операціонную комнату изъ общей палаты на носилкахъ: неужели и эту минуту не знала Чернова, что ее ждетъ? Не знала того, что было извѣстно каждому больному? Я утверждаю, что этого не можетъ быть, не только вслѣдствіе психологическаго анализа душевнаго состоянія больныхъ, лежащихъ въ одной палатѣ, а и потому, что слѣдственная власть

не представила на судъ этихъ больныхъ. Развѣ обвиненіе не имѣло возможности этого сдѣлать? почему же оно не сдѣлало? да потому, что больныхъ, полезныхъ обвиненію, не было и нѣтъ.

Хлороформировали Чернову въ присутствіи цѣлой массы врачей, фельдшерицъ, прислуги. Отчего она тутъ не кричала, не протестовала? Оттого, что согласна была, оттого, что сознавала то, что съ ней будутъ дѣлать.

Да развѣ можно допустить, чтобы Модлинскій рискнулъ представить въ операціонную комнату, гдѣ находились посторонніе врачи, фамилій которыхъ врачи-ассистенты даже не знали, которыхъ было болѣе десяти, показать больную, которая закричала бы, что она не согласна на то, чтобы ее рѣзали, что противъ ея воли ее сюда принесли! Какъ же поступаетъ Модлинскій послѣ операціи, когда увидѣлъ, что киста лопнула, что Черновой грозитъ опасность? Если бы операція была сдѣлана безъ воли и вѣдома Черновой, естественно онъ постарался бы скрыть слѣды, удалить лишнихъ свидѣтелей.

Но Чернову положили опять въ ту же общую палату, не побоялись свидѣтелей, всѣхъ родныхъ пускали, не скрывали положенія больной.

Что же, жаловалась больная постороннимъ на то, что ее безъ ея вѣдома оперировали? Но свидѣтелей такихъ обвиненіе не дало. Значитъ ихъ нѣтъ. Няньки да родители, родители да няньки!

Вотъ тѣ фактическія обстоятельства, которыя едва ли оставляютъ сомнѣніе въ томъ, что Чернова и ея родители хорошо знали о предстоящей операціи и противъ производства ея не возражали.

Но мнѣ здѣсь нужно остановиться на показаніи фельдшерицы Блау, которому г. прокуроръ придаетъ такое большое значеніе. Свидѣтельница говоритъ, что очнувшись послѣ операціи, больная металась и жаловалась, громко кричала и плакала. Нужно остановиться и на показаніяхъ родителей Черновой.

Г. г. судьи, вы люди жизни, вы хорошо знаете тѣ условія, при которыхъ приходится врачу работать. Я не знаю, случалось ли вамъ имѣть у себя дома врача, когда серьезно боленъ близкій вамъ человѣкъ, когда врачъ спасаетъ вашего ребенка, дорогого вамъ, сердечно любимаго больного человѣка.

Какъ постоянно въ зависимости отъ хода болѣзни мѣняется положеніе врача! Больному лучше,—врачъ дорогой другъ, не знаютъ, какъ его благодарить! Больному хуже,—недовѣріе, гнѣвъ, часто злоба—вотъ тѣ чувства, которыя идутъ на смѣну дружбѣ и уваженію!

Больной умеръ—врача готовы ненавидѣть.

Люди интеллигентные, культурные, съ высоко развитымъ чувствомъ справедливости, и то не всегда могутъ сдержать эти несправедливыя, родящіяся въ душѣ человѣка чувства. А толпа, толпа некультурная, Черновы, сѣрые мужики съ ихъ врожденнымъ предубѣжденіемъ противъ врачей, тѣ прямо обвиняютъ врача въ убійствѣ, хотя онъ не покладая рукъ спасалъ человѣка!

Прочтите «Записки врача», Вересаева. Это выстраданныя, стонущіи строки врача-литератора.

Вы увидите, что врачъ по лицамъ встрѣчающихъ его въ передней узнаетъ о положеніи больного.

Глаза встрѣчающихъ свѣтятся радостью, любовью — больному лучше; но ночью ребенка лихорадило и на утро мать ненавистнымъ взглядомъ провожаетъ врача въ комнату больного; мальчику къ вечеру лучше стало, врачъ лучшій другъ, со слезами радости и любви на глазахъ мать благодаритъ врача, не знаетъ мѣры въ восхваленіи его ума, знаній и добросовѣстности!

Въ этомъ горечь врачебной профессіи, въ этомъ и ея услада!

Вотъ и я, гг. судьи, защищаю по мѣрѣ силъ своихъ и разумѣнія, вкладываю душу въ свою защиту... пошли совѣщаться—меня хвалятъ, благодарятъ, но вынесли обвинительный приговоръ—я виноватъ, плохо защищалъ!

«Горе побѣжденнымъ» и «побѣдителей не судятъ» вотъ девизъ нашихъ профессій!

Блау говоритъ, что Чернова послѣ операціи металась, жаловалась и плакала.

Да что же въ этомъ удивительнаго? Вѣдь ей только-что сдѣлали тяжелую, болѣзненную операцію, каждый фибръ ея организма нылъ и страдалъ; что же страннаго въ томъ, что ей свѣтъ былъ не милъ, что она обвиняла ближайшаго виновника ея страданій—доктора? Да, она страдала, плакала и кричала; но этотъ стонъ больного, измученнаго человѣка нельзя ставить въ доказательство вины того, кто его спасалъ. Жаловались послѣ операціи и Черновы, собрали толпу и кричали: дочь зарѣзали! Но вѣдь это такъ понятно; люди необразованные, люди слѣпые, какъ говоритъ самъ Черновъ, они въ своемъ горѣ обвиняли врача въ томъ, что онъ убилъ ихъ дочь. Обвинитель не только утверждаетъ, что на производство операціи необходимо согласіе больного, но требуетъ неоспоримыхъ доказательствъ полученія таковаго, не довѣряя присяжнымъ показаніямъ врачей, заявленію и увѣренію самого обвиняемаго.

Вотъ почему вашъ приговоръ можетъ измѣнить дѣятельность вра-

чей и многіе изъ нихъ будутъ поставлены въ совершенно невозможное положеніе, если къ нимъ будутъ предъявляться со всей строгостью закона о доказательствахъ требованія представлять таковыя въ полученіи согласія на операціи. Вѣдь тогда врачъ долженъ запасаться письменными разрѣшеніями, пожалуй засвидѣтельствованными у нотаріуса.

Да и какъ же врачу поступить? Здѣсь, въ столицѣ, въ блестяще устроенной клиникѣ онъ очутился въ положеніи обвиняемаго, не могущаго доказать своей невиновности. Что же будетъ съ десятками тысячъ врачей, которые работаютъ въ глухихъ городахъ, селахъ, земствахъ? Что будетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда больной безграмотный, когда ему нельзя сказать о неизбѣжности операціи? А что, если онъ не согласится и умретъ, не потому, что хочетъ умереть, а потому, что хочетъ жить. И вмѣстѣ съ тѣмъ не даетъ спасти эту жизнь?

Сколько же вреда приноситъ обществу такая система, стѣсняющая врачей въ отправленіи ими своихъ священнѣйшихъ обязанностей! Какъ отразится прежде всего на обществѣ, на массѣ, сѣрой массѣ, которая первая принесетъ многочисленныя жертвы этой системѣ, людей, умирающихъ на законномъ основаніи!

Но въ чемъ же вина Модлинскаго съ точки зрѣнія уголовнаго закона?

Для насъ юристовъ, для людей привыкшихъ работать и разсматривать поступки людей подъ вліяніемъ положительнаго закона, нужны точныя доказательства того, что данное дѣяніе противозаконнѣе и что оно наказуемо.

Nullum crimen, nulla poena sine lege.

Устраните одинъ изъ двухъ этихъ элементовъ состава преступленія, противоправность или наказуемость—и преступленія не будетъ. Модлинскаго обвиняютъ по 142 ст. Уст. о нак. т. е. въ самоуправствѣ и по 1466 ст. Улож. т. е. въ совершеніи дѣянія, закономъ воспрещеннаго.

Первая изъ этихъ статей предусматриваетъ самоуправство или насиліе, но безъ нанесенія тяжкихъ побоевъ, ранъ или увѣчія.

Отсюда выводъ, что для состава самоуправства нужно самоуправное осуществленіе помимо установленныхъ властей воображаемаго или дѣйствительнаго права.

Но развѣ операція есть право хирурга?

Для разрѣшенія этого вопроса необходимо остановиться на дѣйствующихъ законоположеніяхъ, нормирующихъ дѣятельность врача.

Что такое врачъ?

Врачъ есть лицо, обладающее специальными знаніями и обязанное лечить больныхъ.

Жизнь и здоровье есть безспорно высшее благо человѣка, но въ то же время жизнь каждаго гражданина—интересъ государства.

Вотъ почему государство пользуется прерогативой государственной власти и въ своемъ политическомъ интересѣ учреждаетъ особое сословіе врачей, помимо которыхъ никто не вправѣ лечить и которые обязаны врачевать всѣхъ, къ нему обращающихся.

Вручая лекарю дипломъ, государство отбираетъ отъ него присягу свято исполнять свой долгъ, а долгъ врача, говоритъ законъ—81 и 82 стт., т. XIII—лечить больныхъ. Это же подтверждается и ст. 690 Уст. Мед. Полиц. и 872 ст. Улож. о Нак.

Такимъ образомъ спасеніе жизни людей, охрана ихъ здоровья составляетъ первѣйшую обязанность врачей, какъ агентовъ государства. А если это такъ, то развѣ можетъ быть рѣчь о правѣ врачей лечить. Здѣсь исполненіе обязанностей, возложенныхъ закономъ и совѣстью, а не самовольное осуществленіе воображаемаго права, помимо установленныхъ властей, какъ этого требуетъ составъ самоуправства.

Мнѣ напрашивается здѣсь одно сравненіе. Представители прокурорскаго надзора по праву считаютъ себя общественными хирургами которые въ цѣляхъ оздоровленія общественнаго организма удаляютъ порочныхъ, вредныхъ членовъ, какъ бы отрѣзая ихъ. Что если прокуроръ въ этомъ исполненіи своей обязанности выйдетъ за предѣлы данной ему государствомъ власти, развѣ онъ совершитъ самоуправство. Очевидно нѣтъ—онъ можетъ совершить особый проступокъ, предусмотрѣнный спеціальнымъ закономъ: превышеніе власти, бездѣйствіе и т. п.—но не самоуправство.

Я, адвокатъ, имѣю общую довѣренность кліента, но не уполномоченъ спеціально вести данное дѣло. Пользуясь формальнымъ правомъ защищать интересы кліента, я вступилъ и въ это дѣло: дѣло проиграно, кліентъ сѣтуетъ, зачѣмъ я самовольно выступилъ въ защиту его интересовъ. Что же я совершилъ самоуправство? нѣтъ. Я исполняю свои профессіональныя обязанности и въ предѣлахъ таковыхъ могу совершить профессіональное преступленіе, злоупотребленіе довѣріемъ и т. п., но не общее преступленіе, не самоуправство.

Такъ и врачъ. У него одно право—получить вознагражденіе за трудъ и у него одна обязанность—лечить, по первому зову: его можно ночью съ постели поднять къ ложу больного и онъ не вправѣ отказать. А что такое хирургическая операція? вѣдь это то же лекарство,

сильно дѣйствующее, но даваемое въ предѣлахъ требованія медицинской науки.

Вопросъ о наказуемости хирургической операціи, не разрѣшенный совершенно нашимъ закономъ, возбуждался въ юридической литературѣ и разно разрѣшался. Одни считаютъ, что хирургическая операція есть видъ тѣлесныхъ поврежденій, нанесеніе тяжкихъ ранъ, но нанесенная врачемъ она не наказуема, такъ какъ врачъ вправѣ дѣлать операцію—отсутствуетъ элементъ противозаконности. Другіе полагаютъ, что вообще хирургическая операція, какъ лѣченіе, не наказуема,—отсутствуетъ умыселъ. Наконецъ, третьи требуютъ наказанія при наличности dolus eventualis—небреженія, плохого ухода за больнымъ. Но теоретическія изслѣдованія слишкомъ далеко меня увлекутъ и я возвращаюсь къ данному случаю. Но не могу, однако, не замѣтить, что послѣдовательнѣе было бы примѣнять и къ Модлинскому законъ о нанесеніи тяжкихъ ранъ, по крайней мѣрѣ, здѣсь хоть одинъ объективный признакъ присутствуетъ, а въ самоуправствѣ и этого нѣтъ. Мнѣ кажется доказаннымъ, что врачъ, производя операцію, исполняетъ долгъ, но не осуществляетъ самовольно воображаемаго права.

Теперь посмотримъ, есть ли второй элементъ самоуправста—насиліе. Намъ говорятъ, что моментомъ насилія слѣдуетъ считать хлороформированіе. Но хлороформированіе есть составная часть операціи, нельзя же расчленять одно и то же дѣяніе на отдѣльныя составныя части: такимъ образомъ все что угодно можно доказать. Одно изъ двухъ: или операція наказуема, или же нѣтъ. Если нѣтъ, то не можетъ быть преступнымъ элементомъ и хлороформированіе. Возьмемъ примѣръ. Я нанесъ рану ножемъ, но прежде чѣмъ ударить, я взялъ за рукавъ; значитъ; я совершилъ преступленіе; конечно, нѣтъ. Это часть одного дѣянія—нанесенія ранъ, а не самостоятельное дѣйствіе. Отсутствуетъ и третье требованіе, предъявляемое къ самоуправству теоріей, чтобы оно не переходило въ другое преступленіе. Но вѣдь обвиненіе одно и тоже дѣйствіе—операцію—подводитъ и подъ 1466 ст. Улож. Значитъ, это дѣйствіе перешло въ другое болѣе тяжкое преступленіе и имъ поглощено.

Здѣсь очевидное противорѣчіе: одно изъ двухъ или самоуправство или совершеніе дѣянія, закономъ воспрещеннаго. Ссылка на 28 ст. Улож. положенія не мѣняетъ. Статья эта не примѣнима къ настоящему случаю. Она предусматриваетъ одинъ видъ проступка, указаннаго въ Уст. о Нак. и исходящаго въ составъ родового понятія, предусмотрѣннаго Улож. о Нак. и, мнѣ кажется, о самоуправствѣ не можетъ быть и рѣчи.

Теперь есть ли возможность примѣненія 1466 ст. Улож. о Нак.

И буквальный текстъ закона и сенатская практика требуютъ для примѣненія этой статьи нарушенія особо существующаго, ограждающаго личную безопасность и общественный порядокъ, постановленія.

Гдѣ же оно?

Развѣ существуетъ законъ, воспрещающій производство операціи? но вѣдь это закономъ дозволенное лѣченіе больного.

Развѣ есть законъ, предписывающій врачу испрашивать согласіе на производство операціи? Обвиненіе его не приводитъ, а я его не знаю.

Ссылаются на мнѣніе медицинскаго департамента, но вѣдь это учрежденіе административное, законовъ не издающее, и его мнѣнія для меня не обязательно.

Предъ волею законодателя мы склоняемся, а не предъ заключеніями административныхъ мѣстъ и лицъ.

Такое же значеніе имѣютъ слова экспертовъ. При всемъ моемъ къ нимъ уваженіи я долженъ сказать, что я не раздѣляю ихъ взгляда. Я думаю, что они ошибаются. Указываютъ на этику врачебную. Да развѣ есть какая-то особая, отличная отъ общечеловѣческой, основанной на принятыхъ правилахъ нравственности и морали, врачебная, адвокатская этика.

Такой нѣтъ. Политика—да, но не этика.

Я думаю, что могутъ въ жизни встрѣтиться случаи, когда врачъ по долгу совѣсти обязанъ совершить операцію помимо согласія больного или его окружающихъ, его опекуновъ.

У меня въ рукахъ брошюра д-ра Соколова. Она замѣчательна, между прочимъ тѣмъ, что снабжена эпиграфомъ: «отъ сумы да тюрьмы не отказывайся», это врачъ пишетъ, къ себѣ относитъ. И дѣйствительно, рѣдко къ кому больше слова эти относятся, какъ къ врачу; каждый изъ нихъ рискуетъ ежедневно очутиться на скамьѣ подсудимыхъ.

Д-ръ Соколовъ приводитъ въ своемъ докладѣ, разсматривавшемся на шестомъ Пироговскомъ съѣздѣ русскихъ врачей, нѣсколько случаевъ, гдѣ врачъ стоялъ лицомъ къ лицу съ дилеммой, спасти ли жизнь человѣку, или сохранить свою свободу и спокойствіе. Въ больницу приносятъ ребенка, задыхающагося отъ дифтерита зѣва; только немедленная операціи можетъ спасти ему жизнь, но мать, невѣжественная крестьянка, не согласна.

Что же врачъ, какъ человѣкъ, какъ гражданинъ, не обязанъ вырвать изъ рукъ безумной матери, желающей жизни ребенка, но

убивающей его своимъ невѣжествомъ, сдѣлать трахеотомію и спасти его отъ смерти? Такъ врачъ и поступилъ—ребенокъ остался живъ. Другой случай: Д-ръ Кеслеръ въ «Петер. Медицин. Журналѣ» разсказываетъ слѣдующее. Въ клинику поступила женщина, у которой была гангрена ноги. Хирургъ находилъ необходимымъ немедленно отнять ногу. Мужъ не согласенъ—говоритъ: «на что мнѣ жена съ одной ногой, пускай лучше умираетъ». Врачъ не рѣшился насильно сдѣлать операцію, и больная умерла.

Кто же, по вашему, господа Судьи, изъ двухъ врачей былъ правъ?

Профессоръ Энгельманъ говоритъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда родители, опекуны, сами больные невѣжественны или проявляютъ преступный умыселъ и потому не позволяютъ произвести операцію, то врачъ обязанъ ее сдѣлать насильно.

Я думаю, что эту обязанность врача и вытекающія отсюда его права можно обосновать и съ юридической точки зрѣнія.

Жизнь каждаго изъ насъ есть высшее благо, но въ то же время это интересъ государства. И когда сталкиваются двѣ власти: моя, какъ распорядителя своихъ «Я» и врача, какъ представителя государства, призваннаго охранять жизнь гражданъ, то преимущество должно быть на сторонѣ врача. Отсюда не слѣдуетъ, что врачъ имѣетъ право всегда насильно лѣчить. Нѣтъ, государственная политика предоставляетъ каждому о себѣ заботиться и посему врачи обязаны по приглашенію больныхъ лѣчить, но это право заботиться о себѣ ограничивается своею личностью, а не здоровьемъ малолѣтнихъ, несовершеннолѣтнихъ опекаемыхъ, а, во, вторыхъ, ограничивается моментомъ приглашенія врача для опредѣленной цѣли и приступленія къ исполненію имъ своей обязанности. Больная поступила въ больницу, врачъ отвѣчаетъ за ея здоровіе и обязанъ все сдѣлать для спасенія ея жизни. Въ фактѣ поступленія въ больницу можно видѣть подчиненіе знанію и уму врача, его лѣченію.

Чернова лежала въ клиникѣ Модлинскаго. Что если онъ, не сдѣлавъ операціи, выпустилъ изъ больницы, а на порогѣ ея у Черновой лопнула киста. Что же, тогда не примѣняли бы къ врачу обвиненія по 1616 ст. Ул. о Нак. или по какой-нибудь другой.

Правъ д-ръ Соколовъ, говоря: не довернется—бьютъ, перевернется—опять бьютъ.

И чтожъ, можно сегодня Модлинскаго обвинять въ томъ, что онъ сдѣлалъ то, что считалъ нужнымъ сдѣлать, и сдѣлалъ прекрасно. Хирургія есть наука, говоритъ Вересаевъ; но это въ то же время и искусство, требующее творчества, не поддающееся шаблону.

Мнѣ кажется, я съ достаточной ясностью доказалъ невозможность примѣненія 142 ст. и 1466 ст., но Суду принадлежитъ право устанавливать свои квалификаціи дѣянія и посему я долженъ разсмотрѣть возможность примѣненія 1468 ст. Улож. о Нак., т. е. той, по которой Модлинскій первоначально привлекался. Статья эта имѣетъ въ виду совершеніе дѣянія явно неосторожнаго, послѣдствіемъ чего была смерть. Модлинскій сдѣлалъ операцію, но развѣ операція есть дѣяніе неосторожное? Очевидно нѣтъ. Неосторожность усматриваютъ въ томъ, что согласіе не испрошено.

Но вѣдь для состава преступленія по данной статьѣ нужно, чтобы дѣяніе, какъ физическое дѣйствіе, было неосторожнымъ, а здѣсь неосторожность пріурочиваютъ къ психологическому моменту—дачѣ согласія.

Кромѣ того, нужна причинная связь между дѣяніемъ и смертью. Неосторожность заключается въ отсутствіи согласія на операцію, отъ чего послѣдовала смерть. Значитъ, логическое послѣдствіе изъ этого будетъ таково, что если бы операція была сдѣлана съ согласія, то больная осталась бы жива. Но вѣдь это явный абсурдъ.

Мнѣ говорятъ, да, но согласіе не было бы дано, операція не была бы сдѣлана, а отъ чего умерла бы Чернова, остается неизвѣстнымъ.

Такими разсужденіями можно доказать наличность неосторожности въ чемъ угодно и гдѣ угодно.

Я послалъ прислугу съ письмомъ, горничная попала подъ трамвай, ее раздавили. Я виноватъ: если бы я горничной не посылалъ, она не попала бы подъ трамвай, ее бы не раздавило, а умерла бы она отъ чего-нибудь другого,—остается неизвѣстнымъ.

Черновы дали согласіе на операцію, Прасковья все равно бы умерла, но тогда Модлинскаго нельзя было бы обвинить, но за то можно было бы самихъ Черновыхъ, ибо, давъ согласіе, они совершили явную неосторожность. Все это нагляднымъ образомъ доказываетъ невозможность примѣненія 1468 ст. Ул. о Нак.

Я понимаю, если бы Модлинскій проявилъ неосторожность въ самомъ производствѣ операціи, тогда—такъ; допустимъ, онъ забылъ пинцетъ, марлю въ животѣ—произошло зараженіе крови, хирурга можно обвинять въ неосторожности, но здѣсь этого не было.

Всѣ эксперты согласно говорятъ, что операція произведена правильно, безукоризненно.

Проф. Снегиревъ говоритъ, что къ производству операціи жизненныхъ показаній не было, что нужно было изслѣдовать мочу, но

при этомъ оговаривается, что это въ наукѣ нововведеніе, что оно встрѣчаетъ много возраженій и не всегда примѣняется. А что, если Модлинскій здѣсь встанетъ и заявитъ, что онъ это нововеденіе считалъ вреднымъ, ненужнымъ. Кто изъ нихъ возьметъ на себя смѣлость рѣшить вопросъ, кто правъ изъ нихъ.

Медицинская наука, наука живая, не законченная, не установившаяся, въ ней субъективизмъ доведенъ до крайнихъ предѣловъ и развѣ можетъ уголовный законъ обвинять эту науку, предписывая ей идти и развиваться по заранѣе указаному пути.

Что вчера было хорошо, то сегодня худо и наоборотъ.

Скажутъ—мнѣніе эксперта имѣетъ рѣшающее значеніе. А мнѣніе такого же ученаго проф. Дьяконова, который, возражая проф. Снегиреву, сказалъ, что онъ считалъ бы преступленіемъ со стороны хирурга ждать жизненныхъ показаній. Я думаю, правъ Дьяконовъ, ибо хирургія есть презерватива, нечего человѣку рѣшать, когда ему все равно умирать; рѣжьте пока есть надежда на спасеніе. А что же сказалъ третій ученый авторитетъ проф. Нейдингъ! «Я вполнѣ понимаю этого хирурга, который произвелъ операцію. Моча и почки здѣсь не причемъ, Чернова умерла отъ того, что киста лопнула и наступилъ перетонитъ, киста каждую минуту грозила лопнуть. И не съ косметической цѣлью Чернова хотѣла, чтобы ей удалить опухоль на шеѣ, она страдала удушьемъ и что въ этомъ отношеніи вѣрить Черновымъ нельзя!» Вотъ вамъ три мнѣнія.

А выводъ одинъ: Модлинскій не допустилъ ни малѣйшаго упущенія, сдѣлалъ все, что можно было сдѣлать, что подтверждаютъ и эксперты и врачи—свидѣтели Мокіевскій и Князьковъ.

Клиника Модлинскаго устроена превосходно, по всѣмъ правиламъ науки. Все это, все заведеніе, весь свой талантъ и знаніе онъ отдалъ для спасенія Черновой, такъ въ чемъ же его вина?

Да, въ чемъ его обвиняютъ и въ чемъ его я защищаю? Развѣ Модлинскій преслѣдовалъ корыстную цѣль? Развѣ не безплатно, даромъ помѣстилъ къ себѣ Чернову и лечилъ ее по крайнему своему разумѣнію, обнаруживъ при этомъ знаніе и опытъ врача, талантъ хирурга? Намъ говорили: изъ личныхъ видовъ Модлинскій оперировалъ Чернову, имъ руководили профессіональное желаніе удалить болѣзненный процессъ изъ организма больной, научный интересъ! Хороши личные виды! А мы, юристы, развѣ не виновны въ такихъ же личныхъ видахъ, не преслѣдуемъ ли мы той же цѣли, въ которой другихъ обвиняемъ, разрѣшить принципіальные вопросы, довести до высшихъ инстанцій казусы, юридическую вивисекцію сдѣлать на

живомъ человѣкѣ? А развѣ Модлинскій въ этомъ виноватъ? Вѣдь вы слыхали, что для Модлинскаго лапоратомія операція зауряднaя, что въ этотъ день онъ сдѣлалъ 7 другихъ труднѣйшихъ операцій, что она для него научнаго интереса не представляла?

Что же, Модлинскій здѣсь научные опыты дѣлалъ, «науку черезъ горы труповъ», по выраженію Билльрота, «двигалъ», или исполнялъ свой долгъ, спасалъ жизнь Черновой. Я не могу допустить, чтобы стремленіе врача спасти жизнь человѣку можно ему вмѣнить въ вину.»

Д-ръ Модлинскій, въ своемъ послѣднемъ словѣ, сказалъ слѣдующее:

«Господа судьи! я не юристъ и не знаю статей закона. Я знаю только человѣческое отношеніе къ больнымъ и преданность къ своему любимому дѣлу, которымъ занимаюсь десятки лѣтъ. Тысячи больныхъ прошли черезъ мои руки и никогда, кромѣ самой теплой и сердечной благодарности, я ничего не слыхалъ. Я много потрудился для своей клиники, чтобы медицинское дѣло, столь трудное и отвѣтственное, поставлено было въ ней на должную высоту. Неужели же теперь изъ-за одного случая, которому способствовали несчастныя случайности, должно все рухнуть, все погибнуть сразу... Я и мои ассистенты нашли, что операція необходима, согласіе было получено и операція сдѣлана совершенно правильно. Если же въ данномъ случаѣ былъ смертельный исходъ, то вѣдь врачи-же не чародѣи и судьба человѣка въ рукахъ Божіихъ, который одинъ только и воленъ въ животѣ и смерти... Я не виноватъ, господа судьи, и теперь судите меня»...

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, окружной судъ, на основаніи результатовъ произведеннаго судебнаго слѣдствія пришелъ, между прочимъ, къ тому выводу, что Модлинскій долженъ быть признанъ виновнымъ въ приписываемомъ ему преступномъ дѣяніи, которое по признакамъ своимъ вполнѣ подходитъ подъ ту квалификацію, подъ которую оно подведено обвинительнымъ актомъ: производство опасной операціи безъ согласія оперированной составляетъ посягательство на личную ея неприкосновенность и безопасность, посягательство ближе всего подходящее въ данномъ случаѣ къ самоуправству, такъ какъ Модлинскій, приступая къ операціи, воображалъ, да и нынѣ, какъ видно изъ объясненій его на судѣ, воображаетъ, что онъ, какъ врачъ, свободно, по собственному усмотрѣнію, можетъ распоряжаться поступившимъ къ нему для леченія совершенно другой болѣзни паціентомъ; согласіе больного при такомъ взглядѣ играетъ самую ничтожную роль, а можетъ быть никакой не играетъ, и самъ больной низво-

дитои на положеніе безсловеснаго животнаго или вещи; но съ такимъ взглядомъ судъ не можетъ согласиться и полагаетъ, что такое принудительное насильственное лечение взрослаго, сознающаго себя человѣкомъ, не только хирургическое, опасное для жизни, но и общее, не можетъ быть допущено, какъ проявленіе насилія надъ личностью человѣка, какъ самоуправство со стороны врача; и это самоуправство будетъ одинаково таковымъ, какъ въ томъ случаѣ, когда врачъ по какимъ-либо соображеніямъ не отобралъ согласія больного на его леченіе, такъ и въ томъ, когда онъ не заручился этимъ согласіемъ просто по неосторожности (рѣш. касс. деп. Прав. Сената 1871 г. № 1664 по д. Алифери). Самоуправное дѣяніе Модлинскаго, предусмотрѣнное такимъ образомъ 142 ст. уст. о нак., въ данномъ случаѣ осложняется особо увеличивающими его вину послѣдствіями — смертью оперированной, а потому, въ виду 28 ст. того же устава и 1466 ст. улож., онъ и долженъ бы подлежать указанному въ этой послѣдней статьѣ наказанію.

IV. Апелляціонное производство.

По апелляціонному отзыву повѣреннаго подсудимаго Модлинскаго, присяжнаго повѣреннаго Ледницкаго, дѣло перешло на разсмотрѣніе Московской судебной палаты, которая нашла, что въ принесенномъ на приговоръ окружнаго суда отзывѣ указывается на нарушеніе основныхъ принциповъ уголовнаго правосудія и указывается, во 1-хъ), что вышеописанное обвиненіе Модлинскаго представляется недоказаннымъ, ибо операціи надъ Черновой 5 марта 1900 г., какъ видно изъ свидѣтельскихъ показаній врачей Коцубея, Неймарка, Макіевскаго и Князькова, а также и изъ предварительныхъ приготовленій Черновой къ означенной операціи, произведена была Модлинскимъ, вопреки показаніямъ Ивана и Матрены Черновыхъ, Югаръ, Блау, Рейнгольдъ и Кузнецовой, съ вѣдома и согласія самой оперированной Черновой и не безъ вѣдома родителей ея, каковое обстоятельство можетъ быть установлено также и показаніемъ вновь обнаруженнаго свидѣтеля Степана Филатова, котораго апелляторъ и проситъ допросить; 2) что Модлинскій не можетъ быть отвѣтственнымъ за неиспрошеніе будто бы согласія на операцію, ибо согласіе оперированной Черновой и ея родителей на производство операціи для удаленія кистозной опухоли въ ея животѣ дано было помянутыми Черновыми товарищу Модлинскаго по лечебницѣ,

врачу Кочубею, который по своей обязанности, въ виду распредѣленія между ними занятій, и доложилъ объ этомъ Модлинскому, а изъявленіе больной или ея родителями согласія на операцію, данное врачу Кочубею, равносильно выраженію этого согласія самому Модлинскому, такъ какъ предъ закономъ тотъ и другой врачъ имѣютъ одинаковое въ этомъ случаѣ значеніе; 3) что признаніе въ дѣяніи Модлинскаго—производствѣ лапаратоміи Черновой—проступка самоуправства или насилія, предусмотрѣннаго 142 ст. уст. о нак., не соотвѣтствуетъ ни законному опредѣленію этого проступка, ни обстоятельствамъ дѣла, такъ какъ подъ самоуправствомъ по закону разумѣется насильственное, помимо установленныхъ властей, осуществленіе своего дѣйствительнаго или воображаемаго права; а по смыслу 690 ст. уст. мед. пол. (т. XIII св. зак.) леченіе больныхъ есть долгъ, обязанность врачей, а не право, и врачъ, леча больного, не осуществляетъ свое право, а исполняетъ свою обязанность, такъ что не можетъ быть преслѣдуемъ за это исполненіе обязанности, какъ за самоуправное дѣяніе; по обстоятельствамъ же дѣла въ дѣяніи Модлинскаго никоимъ образомъ нельзя усматривать насилія надъ Черновой, въ виду того, что Чернова сама, въ сопровожденіи своихъ родителей, явилась къ доктору Модлинскому и по своему собственному желанію легла въ больницу, поручивъ леченіе своей болѣзни помянутому врачу, а послѣдній, усмотрѣвъ у больной присутствіе кисты, которая, какъ видно изъ показаній профессоровъ Нейдинга и Дьяконова, ежеминутно грозила Черновой смертью и которую можно было удалить лишь посредствомъ лапаротоміи, обязанъ былъ произвесть эту операцію и произвелъ таковую согласно съ требованіемъ 82 ст. уст. мед. полиц., и 4) что равнымъ образомъ примѣненіе къ дѣянію Модлинскаго 1466 ст. улож. о нак., представляется совершенно невозможнымъ, ибо статья эта требуетъ, чтобы виновный нарушилъ специальное постановленіе, ограждающее личную безопасность или общественный порядокъ, но окружный судъ не приводитъ такихъ постановленій, ссылаясь лишь на 28 статью уст. о нак., которая къ настоящему случаю не имѣетъ никакого отношенія, какъ предусматривающая видъ преступленія, входящаго въ составъ родового понятія преступленія, предусмотрѣннаго улож. о нак.; при отсутствіи же закона, который обязывалъ бы врача производить операцію съ особаго каждый разъ согласія больного нѣтъ возможности примѣнить къ такому поступку, если онъ вызванъ, какъ въ данномъ случаѣ, единственною цѣлью помочь больному,—уголовные законы, такъ какъ въ этомъ поступкѣ врача не только отсутствуетъ элементъ противоправ-

ности,—а въ данномъ случаѣ у подсудимаго не было и умысла на правонарушеніе, ибо Модлинскій былъ убѣжденъ въ согласіи больной на операцію,—но и нѣтъ наказуемости дѣянія. По изложеннымъ соображеніямъ, а также и въ виду добраго намѣренія Модлинскаго производствомъ операціи у Черновой спасти молодую жизнь отъ неминуемой гибели, повѣренный подсудимаго проситъ судебную палату по вызовѣ и допросѣ какъ вышеупомянутаго свидѣтеля Филатова, такъ и всѣхъ свидѣтелей и экспертовъ, допрошенныхъ окружнымъ судомъ, отмѣнить приговоръ окружнаго суда и признать Модлинскаго по суду оправданнымъ.

Разсмотрѣвъ означенное дѣло въ связи съ апелляціоннымъ отзывомъ и выслушавъ показанія свидѣтелей Степана Филатова, Ивана и Матрены Черновыхъ,—(въ вызовѣ же для допроса другихъ свидѣтелей и экспертовъ, допрошенныхъ въ засѣданіи окружнаго суда, было отказано опредѣленіями судебной палаты отъ 9 января и 2 марта 1902 года, по изложеннымъ въ тѣхъ опредѣленіяхъ соображеніямъ), а также и заключительныя пренія сторонъ и объясненія подсудимаго Модлинскаго, судебная палата находитъ, что подробно и обстоятельно изложенные въ приговорѣ Московскаго окружнаго суда доводы означеннаго суда о томъ, что согласіе покойной Черновой или ея родителей на операцію лапаратоміи (чревосѣченія) 5 марта 1900 года не было испрошено ни Модлинскимъ, ни Коцубеемъ, и таковое не было изъявлено Черновыми, являются вполнѣ правильными, такъ какъ эти доводы основаны на свидѣтельскихъ показаніяхъ родителей покойной, Ивана и Матрены Черновыхъ, а также на показаніяхъ свидѣтельницъ Югаръ, Блау, Рейнгольдъ, Кузнецовой и Колпаковой, причемъ данныя на предварительномъ слѣдствіи и прочитанныя на судѣ показанія неявившихся въ судъ по законнымъ причинамъ свидѣтельницъ Югаръ, Блау, Рейнгольдъ и Кузнецовой въ существѣ своемъ совпадаютъ по означенному вопросу съ показаніями допрошенныхъ судомъ свидѣтелей Черновыхъ и Колпаковой, изъ коихъ первые были передопрошены и въ засѣданіи судебной палаты, а потому и въ виду внутренняго содержанія показаній помянутыхъ свидѣтельницъ, касающагося различныхъ моментовъ передаваемыхъ ими событій, эти показанія должны быть признаны заслуживающими довѣрія. Болѣе же подробныя показанія свидѣтельницъ Югаръ, Блау и Рейнгольдъ, при вторичномъ допросѣ ихъ, не могутъ подрывать достовѣрности этихъ показаній и указываютъ лишь на пробудившееся въ этихъ свидѣтельницахъ сознаніе необходимости показать все, что имъ извѣстно по дѣлу безъ утайки.

Показанія свидѣтелей Ивана и Матрены Черновыхъ (родителей покойной Прасковьи Черновой), въ виду ихъ безыскусственной простоты, отсутствія противорѣчій и побудительныхъ причинъ говорить неправду, внушаютъ къ себѣ полное довѣріе, особено послѣ очной ставкѣ Матрены Черновой съ новымъ, допрошеннымъ впервые въ засѣданіи судебной палаты, свидѣтелемъ Степаномъ Филатовымъ, который, не показавъ ничего опредѣленнаго относительно согласія или несогласія Черновыхъ на операцію, чревосѣченія (5 Марта), пытался, хотя и безуспѣшно, доказать, что Матрена Чернова, между первою и второю операціями, почти бузотлучно находилась въ лечебницѣ, при своей дочери, каковое обстоятельство безусловно отвергнуто Черновыми и не подкрѣпляется никакими другими данными дѣла. Переходя же къ показаніямъ свидѣтелей врачей Коцубея, Неймарка, Мокіевскаго и Князькова, судебная палата находитъ, что, въ виду подробно изложенныхъ въ приговорѣ окружнаго суда соображеній, показаніе перваго изъ нихъ по вопросу о согласіи Черновой и ея матери на операцію чревосѣченія не можетъ служить опроверженіемъ вышеуказанныхъ свидѣтельскихъ показаній Черновыхъ, Югаръ, Блау, Рейнгольдъ, Кузнецовой и Колпаковой, а показанія остальныхъ трехъ врачей не разрѣшаютъ вопроса о согласіи или несогласіи Черновыхъ на операцію, такъ какъ свидѣтель Неймаркъ высказалъ лишь предположеніе свое о томъ, что Прасковья Чернова догадывалась о предстоящей операціи—въ виду того, что ей наканунѣ была наложена на животъ повязка, но догадываться—не значить выразить согласіе на опирацію, притомъ же Чернова едва ли могла догадываться объ опасной операціи чревосѣченія; свидѣтель же Мокіевскій показалъ лишь о обстоятельствахъ случившихся послѣ операціи 5 марта, когда въ состояніи здоровья Прасковьи Черновой послѣдовало значительное ухудщеніе, а свидѣтель Князькова даже не былъ спрошенъ по тому вопросу, который, по словамъ свидѣтельницы Югаръ, былъ предложенъ покойной Черновой въ операціоной комнатѣ предъ самою операціей 5 марта. Что же касается указанія опеллятора на то, что самымъ фактомъ поступленія въ лечебницу Модлинскаго, Чернова вполнѣ поручила свое леченіе помянутому врачу и этимъ уже самымъ какъ бы изъявила согласіе и на операцію удаленія кисты въ животѣ, то надлежитъ замѣтить, что Чернова поступила въ лечебницу лишь для удаленія у ней незначительной опухоли на шеѣ; но, поступивъ съ этою цѣлью въ лечебницу Модлинскаго, она не отдавала себя въ полное—хотя бы и съ лечебною цѣлью—распоряженіе доктора Модлинскаго; удаленіе же опухоли на шеѣ не имѣетъ ника-

кого отношенія къ операціи чревосѣченія для извлеченія мезентеріальной кисты. Признавая, такимъ образомъ, согласно съ мнѣніемъ окружнаго суда, что Модлинскимъ, равно какъ и Коцубеемъ, не было надлежащимъ образомъ испрошено и получено согласія Черновой или ея родителей на операцію чревосѣченія 5 марта 1900 г., для удаленія кисты, и что эта операція произведена была безъ согласія оперированной или ея родителей, и допуская, что о необходимости испрошенія такого согласія, въ силу врачебнаго обычая, основаннаго на врачебной этикѣ и удостовѣреннаго экспертами—врачами и медицинскимъ совѣтомъ, было извѣстно доктору Модлинскому,— судебная палата, тѣмъ не менѣе вопреки приговору окружнаго суда находитъ, что производство врачемъ операціи съ лечебной цѣлью, хотя бы и безъ согласія оперированной или ея родителей, не составляетъ ни самоуправства, ни насилія, предусмотрѣннаго 142 ст. уст. о нак., такъ какъ подъ самоуправствомъ законъ разумѣетъ самовольное осуществленіе своего дѣйствительнаго или воображаемаго права, какъ это справедливо указано и апелляторомъ; леченіе же больныхъ не есть право врача, а его долгъ или обязанность, исполняемая врачемъ при условіяхъ, указанныхъ въ 81, 82 и 690 ст. уст. врач., а наказуемое насиліе надъ личностью, граничащее, какъ видно изъ ст. 142 уст. о нак., съ нанесеніемъ тяжкихъ побоевъ, ранъ или увѣчья, предполагаетъ намѣренное или умышленное причиненіе страданія или вреда потерпѣвшему, каковое намѣреніе въ настоящемъ дѣлѣ не приписывается подсудимому Модлинскому, имѣвшему, напротивъ, въ виду лишь избавить больную путемъ операціи отъ болѣзни и сопряженныхъ съ ней страданій, а можетъ быть и отъ возможной смерти. Равнымъ образомъ и примѣненіе окружнымъ судомъ къ дѣянію Модлинскаго 1466 ст. улож. о нак., въ виду, какъ сказано въ приговорѣ суда, 28 ст. уст. о нак., не соотвѣтствуетъ смыслу ни той, ни другой статей закона: ст. 28 уст. о нак. могла бы имѣть примѣненіе лишь въ томъ случаѣ, если бы въ дѣяніи Модлинскаго заключались признаки проступка, предусмотрѣннаго 142 ст. помянутаго устава, и если бы этотъ проступокъ совершенъ былъ при особо увеличивающихъ вину обстоятельствахъ, указанныхъ именно въ этой 142 ст. уст. и заключающихся въ нанесеніи тяжкихъ побоевъ, ранъ или увѣчья, какъ это очевидно при сопоставленіи между собою означенныхъ двухъ статей уст. о нак. Но ни того, ни другого условія въ настоящемъ случаѣ не имѣется: дѣяніе Модлинскаго не можетъ быть отнесено, какъ выше уже указано, къ самоуправству или насилію, а если бы и допустить, согласно съ мнѣніемъ окружнаго

суда, что совершеніе Модлинскимъ операціи чревосѣченія составляетъ самоуправство или насиліе, то и въ такомъ случаѣ примѣненіе 28 ст. уст. о нак. является несоотвѣтствующимъ ни смыслу этой статьи закона, ни условіямъ настоящаго дѣла, такъ какъ особо увеличивающимъ обстоятельствомъ дѣянія подсудимаго въ настоящемъ случаѣ является смерть потерпѣвшей, а не нанесеніе тяжкихъ побоевъ, ранъ или увѣчья, о коихъ трактуютъ 142 и 28 ст. уст. о нак. Отсюда слѣдуетъ, что ссылка въ приговорѣ окружнаго суда на 28 ст. уст. о нак. послужила лишь искусственнымъ и неоснованнымъ на законѣ переходомъ отъ 142 ст. этого устава къ 1466 ст. улож., причемъ по этой послѣдней статьѣ уложенія и назначено судомъ наказаніе подсудимому Модлинскому, безъ объясненія, однако же, основаній къ ея примѣненію. Между тѣмъ, по означенной 1466 ст. улож. подвергается наказанію тотъ, «кто, безъ намѣренія учинить убійство, дозволитъ себѣ какое-либо дѣйствіе, противное ограждающимъ личную безопасность и общественный порядокъ постановленіямъ, и послѣдствіемъ онаго, хотя и неожиданнымъ, причинится кому-либо смерть». Но изъ данныхъ дѣла не видно и въ приговорѣ окружнаго суда не указано, чтобы Модлинскій, «дозволилъ себѣ какое-либо дѣйствіе, противное ограждающимъ личную безопасность и общественный порядокъ постановленіямъ», операція же чревосѣченія, которую совершилъ Модлинскій и неожиданнымъ послѣдствіемъ которой была смерть оперированной Черновой, не относится къ дѣйствіямъ, противнымъ какому-либо постановленію, ограждающему личную безопасность и общественный порядокъ, ибо производство такихъ операцій закономъ не воспрещено,—а признать такимъ дѣйствіемъ упущеніе Модлинскаго, заключающееся въ неиспрошеніи согласія оперированной или ея родителей на совершеніе операціи, невозможно—какъ потому, что смерть оперированной послѣдовала не отъ этого упущенія Модлинскаго,—ибо и при согласіи больной и ея родителей на операцію смерть могла бы послѣдовать отъ такой операціи, такъ и потому, что въ законѣ не имѣется прямого постановленія о необходимости испрошенія согласія больного или родителей его, или заступающихъ ихъ мѣсто лицъ на производство операціи кромѣ неопредѣленныхъ указаній въ 81, 82 и 690 ст. уст. врач. на поданіе врачемъ или операторомъ помощи больнымъ «по приглашенію» или «призыву» послѣднихъ. Въ виду изложенныхъ соображеній, судебная палата приходитъ къ заключенію, что за отсутствіемъ въ инкриминируемомъ дѣяніи Модлинскаго признаковъ преступленія, предусмотрѣннаго 142 ст. уст. о нак. и 1466 ст. улож., примѣненіе къ дѣянію его означенныхъ

*

статей закона и назначеніе Модлинскому наказанія по 1466 ст. улож. о нак. является неправильнымъ, почему и надлежитъ приговоръ окружнаго суда въ этомъ отношеніи отмѣнить. Но не признавая въ дѣяніи подсудимаго Модлинскаго наличности признаковъ преступленія, предусмотрѣннаго 142 ст. уст. о нак. и 1466 ст. улож., судебная палата, однако же, усматриваетъ: 1) что, какъ видно изъ заключенія медицинскаго совѣта и изъ общаго смысла заключеній врачей-экспертовъ, допрошенныхъ окружнымъ судомъ, смерть 18-ти лѣтней крестьянской дѣвицы Черновой, обладавшей въ общемъ, по показанію ея родителей, до поступленія въ лечебницу доктора Модлинскаго, хорошимъ состояніемъ здоровья и производившей сельскія работы наравнѣ съ мужчинами, находится несомнѣнно въ связи съ операціей чревосѣченія, произведенной Модлинскимъ 5 марта 1900 г. для удаленія мезентеріальной кисты, дурного вліянія которой на здоровье свое покойная не замѣчала; 2) что такая операція по заключенію тѣхъ же экспертовъ-врачей и даже по собственному объясненію доктора Модлинскаго, представлялась опасною для жизни оперированной, такъ какъ извлеченіе мезентеріальной кисты, особенно при страданіи цирозомъ (болѣзнь почекъ), даетъ высокій процентъ смерности; 3) что въ производствѣ этой операціи въ то время, именно 5 марта 1900 г., по заключенію медицинскаго совѣта, не было безусловной необходимости; 4) что дѣвица Чернова поступила въ лечебницу доктора Модлинскаго для удаленія лишь опухоли (нароста) на шеѣ, а операція чревосѣченія для извлеченія кистозной опухоли въ области живота произведена докторомъ Модлинскимъ безъ согласія оперированной Черновой и безъ предварительныхъ объясненій по этому поводу съ родителями ея, и 5) что согласіе больной или ея родителей на такую операцію, по заключенію медицинскаго совѣта, для врача обязательно. Исходя изъ такихъ безспорно установленныхъ по дѣлу положеній и принимая во вниманіе: 1) что смерть 18-ти лѣтней крестьянской дѣвицы Черновой, послѣдовавшая 10 марта 1900 г., причинилась, судя по общему смыслу заключеній экспертовъ—врачей и медицинскаго совѣта, отъ произведенной у ней докторомъ Модлинскимъ 5 марта того года, операціи чревосѣченія для удаленія кистозной опухоли въ области живота; 2) что такая операція и не воспрещена закономъ и нельзя было съ полною вѣроятностію ожидать вредныхъ отъ оной послѣдствій, однакожъ представлялась завѣдомо для Модлинскаго опасною для жизни Черновой и не вызывалась въ то время, по состоянію больной, безусловною необходимостью, и 3) что на производство такой опасной операціи, не пред-

ставлявшей притомъ же безусловной и неотложной необходимости, но дающей весьма значительный процентъ смертности, Модлинскій не только не испросилъ согласія оперированной или ея родителей, но и не былъ вызванъ жалобами первой или приглашеніемъ вторыхъ, а при переговорахъ съ ними объ этомъ, онъ несомнѣнно имѣлъ бы большую возможность обсудить состояніе больной и, проникнувшись важностью и опасностью предпринимаемаго имъ дѣянія въ отношеніи здоровья и жизни своей паціентки, въ случаѣ несогласія ихъ на такую рискованную и не безусловно необходимую въ то время операцію, воздержался бы отъ совершенія таковой, судебная палата приходитъ къ заключенію, что совершеніе Модлинскимъ надъ Черновой при такихъ условіяхъ операціи чревосѣченія для извлеченія мезентеріальной кисты представляется явно неосторожнымъ дѣяніемъ, причинившимъ смерть оперированной Черновой, и что такое дѣяніе подсудимаго Модлинскаго составляетъ, по своимъ вышеописаннымъ признакамъ, преступленіе, предусмотрѣнное 1468 ст. улож., въ каковомъ преступленіи Модлинскій и долженъ быть признанъ виновнымъ. Обращаясь затѣмъ къ опредѣленію слѣдующаго подсудимому Модлинскому наказанія по закону и имѣя въ виду, что за преступленіе, въ которомъ онъ признанъ виновнымъ, предусмотрѣнное 1468 ст. улож., постановлено нѣсколько одно другое замѣняющихъ наказаній, выборъ коихъ въ каждомъ случаѣ, смотря по важности вины, состоянію подсудимаго и обстоятельствамъ дѣла, зависитъ, согласно 149 ст. улож., отъ суда, рѣшающаго дѣло, что дѣяніе подсудимаго Модлинскаго, по существу своему, независимо отъ наступившихъ послѣдствій онаго, не было прямо воспрещено закономъ, что при совершеніи такого дѣянія операціи чревосѣченія надъ больной Черновой для извлеченія мезентеріальной кисты, Модлинскій увлекался излишнею въ исполненіи долга врача ревностью, что такую сложную и трудную операцію онъ предпринялъ безкорыстно и произвелъ, по удостовѣренію экспертовъ—врачей и заключенію медицинскаго совѣта, хирургически правильно и что послѣ этой операціи, 5 марта 1900 г., онъ принялъ, также безвозмездно, всѣ, какія онъ считалъ необходимыми, мѣры къ спасенію жизни оперированной Черновой, хотя и безуспѣшно—судебная палата, согласно 1468, 110 и 149 ст. улож., считаетъ справедливымъ назначить подсудимому Модлинскому наименьшее изъ указанныхъ въ вышеозначенной статьѣ закона наказаній, а именно подвергнуть подсудимаго строгому выговору въ присутствіи суда и, сверхъ того, предать его, какъ христіанина, церковному покаянію по распоряженію его духовнаго началь-

чальства, съ возложеніемъ на осужденнаго Модлинскаго, согласно 977 и 977 ст. уст. угол. суд., и судебныхъ по настоящему дѣлу издержекъ. На основаніи вышеизложеннаго Московская судебная палата опредѣляетъ: признавъ доктора медицины Петра Игнатьева Модлинскаго виновнымъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 1468 улож., на основаніи этой статьи, а также ст. 149 улож., подвергнуть его строгому выговору въ присутствіи суда и, сверхъ того, церковному покаянію по распоряженію его духовнаго начальства; судебныя по дѣлу издержки обратить на обвиняемаго Модлинскаго; приговоръ Московскаго окружнаго суда, состоявшійся о Модлинскомъ 15 ноября 1901 г., въ чемъ несогласенъ съ настоящимъ приговоромъ, отмѣнить.

V. Кассаціонное производство.

На приговоръ судебной палаты защитникомъ Модлинскаго, присяжнымъ повѣреннымъ Ледницкимъ, принесена была кассаціонная жалоба въ угол. касс. деп. Правительствуюшаго Сената. Въ означенной жилобѣ указывается: 30 марта объявленъ въ окончательной формѣ постановленный Московской судебной палатой 8 марта 1902 г. приговоръ, по которому докторъ медицины Модлинскій признанъ виновнымъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1468 ст. улож. и приговоренъ къ опредѣленному палатой наказанію. Приговоръ этотъ я нахожу неправильнымъ и въ отмѣну его имѣю честь представить на благоусмотрѣніе Правительствующаго Сената нижеслѣдующія соображенія. Докторъ Модлинскій по обвинительному акту былъ преданъ суду по обвиненію въ томъ, что, не будучи вынужденнымъ къ немедленному производству опасной для жизни операціи—чревосѣченія, произвелъ таковую, не испросивъ согласія самой больной Черновой или ея родителей, послѣдствіемъ чего была смерть оперируемой. Дѣяніе это обвинительная власть квалифицировала какъ преступленіе, предусмотрѣнное 142 ст. уст. о нак. и 1466 ст. улож. Московскій окружный судъ призналъ обвиненіе доказаннымъ и примѣнилъ къ Модлинскому вышеприведенныя статьи уголовнаго уложенія. Московская судебная палата, разсмотрѣвъ дѣло по жалобѣ обвиняемаго, раздѣлила мнѣніе суда въ части фактической стороны обвиненія, признавъ его доказаннымъ, но, согласившись съ доводами апелляціи, отвергла примѣненіе 142 ст. уст. о нак. и 1466 ст. улож. не найдя въ дѣяніи Модлинскаго состава преступленія, указаннаго въ этихъ статьяхъ, и съ своей стороны, подвела дѣяніе это подъ 1468 ст.

улож. Въ своемъ приговорѣ судебная палата установила слѣдующія положенія: 1) согласно 81, 82 ст. т. XIII уст. врач. и 690 ст. уст. мед. пол. производство операціи есть долгъ врача; 2) произведенныя Модлинскимъ операція чревосѣченія закономъ не воспрещается; 3) операція эта произведена правильно, и 4) совершая эту операцію, Модлинскій лишь увлекался излишнею въ исполненіи долга врача ревностію и сложную и трудную операцію произвелъ безкорыстно, даромъ, принимая для спасенія больной всѣ необходимыя мѣры. Казалось бы при такихъ данныхъ, установленныхъ палатою, не можетъ быть и рѣчи о какомъ бы то ни было обвиненіи. Въ самомъ дѣлѣ, что можно поставить въ вину врачу, исполняющему свой долгъ, хотя бы и съ излишнею ревностью, безкорыстно дѣлающему все возможное для спасенія жизни больной, правильно производящему операцію? Врачъ все сдѣлалъ и смерть всетаки наступила, тогда за таковую, находящуюся внѣ воли врача и являющуюся стихійной силой, онъ отвѣчать не можетъ.

Тѣмъ не менѣе судебная палата, установивъ вполнѣ опредѣленно и точно вышеприведенныя обстоятельства, нашла возможнымъ обвинить такого врача и примѣнила къ его дѣянію 1468 ст. улож. Основаніемъ къ такому выводу палаты послужили слѣдующія соображенія, какъ это видно изъ ея приговора. 1) Произведенная Модлинскимъ операція «не вызывалась въ то время по состоянію больной безусловной необходимостью». 2) Модлинскій произвелъ операцію, «не испросивъ согласія оперированной или ея родителей». 3) «Не былъ вызванъ на производство операціи жалобами первой и просьбами вторыхъ». 4) Не обсудивъ состоянія больной, не проникся важностью, опасностью предпринимаемаго дѣянія. При такихъ условіяхъ, палата пишетъ, производство операціи является дѣяніемъ явно неосторожнымъ, т. е. палата во всемъ этомъ усмотрѣла признаки неосторожности или, иначе, непринятіе мѣръ предосторожности. Но, все это невѣрно. Для состава преступленія, предусмотрѣннаго 1468 ст. улож., необходимо, чтобы, во 1-хъ) дѣяніе было закономъ не воспрещенное и притомъ такое, что отъ него нельзя было съ вѣроятностью ожидать вредныхъ отъ нея послѣдствій; 2) чтобы была явная неосторожность, выражающаяся въ непринятіи при производствѣ такого дѣянія мѣръ предосторожности и 3) чтобы послѣдствіемъ этой неосторожностибыла чья—либо смерть. Первый изъ вышеуказанныхъ признаковъ палата установила, но за то два послѣдующихъ въ дѣяніи Модлинскаго совершенно отсутствуютъ. 1) Судебная палата ставитъ въ вину Модлинскому и въ этомъ усматриваетъ фактическій признакъ преступле-

нія по 1468 ст. улож., что онъ произвелъ операцію, не вызывающуюся необходимостью по состоянію больной. Обвиненіе это можно понять только такъ: врачъ сдѣлалъ опасную операцію, которая была излишней, ненужной, но вѣдь это равносильно обвиненію по врачебной ошибкѣ, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 870 ст. улож., но Модлинскаго въ этомъ не обвиняли и онъ отъ такого обвиненія не защищался. Наоборотъ, сама палата установила, что Модлинскій произвелъ операцію правильно, т. е. обнаружилъ полное знаніе хирургическаго и врачебнаго искусства. Слѣдовательно обвиненіе его въ этомъ направленіи немыслимо. Не могу, однако, въ этомъ мѣстѣ не обратить вниманія Правительствующаго Сената на допущенную палатой явную неправильность, процессуальную ошибку, послѣдствіемъ чего былъ несоотвѣтствующій обстоятельствамъ дѣла и закону выводъ палаты о виновности Модлинскаго. Приговоръ суда несомнѣнно долженъ быть основанъ на всей совокупности установленныхъ обстоятельствъ дѣла и представленныхъ сторонами доказательствъ. Палата свое заключеніе о производствѣ Модлинскимъ, не вызывавшейся необходимостью, операціи основала на заключеніи медицинскаго департамента и экспертовъ врачей. Между тѣмъ въ этихъ заключеніяхъ содержится категорическій отвѣтъ на поставленный судомъ вопросъ о необходимости производства операціи, что операція была показана, т. е. что съ медицинской точки зрѣнія она подлежала къ производству. Этимъ исчерпывается объективное требованіе науки, за этимъ уже слѣдуетъ субъективный взглядъ каждаго даннаго врача, не поддающійся провѣркѣ уголовнаго суда о томъ, когда именно эту операцію нужно сдѣлать. Такъ и здѣсь Модлинскій находилъ, что операція была произведена слишкомъ поздно, экспертъ профессоръ Дьяконовъ говорилъ, что было бы преступленіемъ со стороны врача ждать жизненныхъ показаній, т. е. откладывать операцію, а экспертъ профессоръ Нейдингъ сказалъ, что онъ вполнѣ понимаетъ того хирурга, который произвелъ операцію 5 марта, и лишь профессоръ Снегиревъ указывалъ, что хотя операція была показана, но онъ, Снегиревъ, ея не произвелъ бы по приводимымъ имъ соображеніямъ спорность которыхъ самъ же подтвердилъ. Спрашивается, можетъ ли судъ взять на себя рѣшеніе вопроса, кто изъ этихъ врачей, людей науки, болѣе правъ? Въ данномъ случаѣ важно одно, что операція была показана и что въ своемъ діагнозѣ Модлинскій не ошибся. Судебная палата сослалась на вышеуказанныя заключенія медицинскаго департамента и экспертовъ врачей, но при этомъ обошла полнымъ молчаніемъ серьезнѣйшее обстоятельство, установленное этими су-

дебными доказательствами о показаніи къ операціи. Если бы судебная палата остановилась на этомъ обстоятельствѣ и обсудила силу и значеніе его, то палата не могла бы обвинить врача въ томъ, что онъ произвелъ, хотя не вызывавшуюся въ то время безусловной необходимостью, но ту операцію, которая признана показанной, т. е. подлежащей къ производству конечно тогда, когда врачъ найдетъ наиболѣе цѣлесообразнымъ и которую онъ находилъ безусловно необходимой. Въ этомъ, несомнѣнно, палата нарушила 797 и 892 ст. у. у. с. Возвращаясь къ значенію приведеннаго палатой довода о необходимости показанной операціи, я нахожу, что разъ Модлинскій не обвинялся въ допущеніи врачебной ошибки, разъ палала признала, что операцію произвелъ правильно, не ошибся въ діагнозѣ, то вопросъ, была ли эта операція въ то время, 5 марта, безусловно необходима, не можетъ служить фактическимъ признакомъ преступленія по 1468 ст. улож. и относится всецѣло къ субъективному взгляду врача, не подлежащему провѣркѣ уголовнаго суда. 2) Ранѣе этого палата установила, что законъ не требуетъ согласія больного для производства операціи, но затѣмъ ставитъ въ вину Модлинскому, зачѣмъ онъ не испросилъ согласія больной. Не говоря уже о явномъ противорѣчіи въ разсужденіяхъ палаты вопреки 3 п. 797 ст. у. у. с., ибо нельзя же меня обвинить въ томъ, что я не сдѣлалъ того, чего отъ меня законъ не требуетъ, трудно рѣшить, какое значеніе имѣетъ согласіе или несогласіе больной на производство операціи съ точки зрѣнія явной неосторожности, наказуемой 1468 ст. улож. Гдѣ же здѣсь требуемая закономъ причинная связь? Если неосторожность усматривать, какъ это дѣлаетъ палата, въ неиспрошеніи согласія больной, то, логически разсуждая, слѣдуетъ придти къ выводу, что если бы операція была произведена съ согласія больной, то больная осталась бы жива, что̀ очевидно невѣрно. Вообще трудно понять, какимъ образомъ одинъ и тотъ же поступокъ производства операціи можетъ считаться осторожнымъ или неосторожнымъ, смотря по тому, получено ли согласіе на него или нѣтъ. Поступокъ можетъ считаться осторожнымъ или неосторожнымъ по самому существу своему, а вовсе не потому, получено ли на него согласіе, которое, какъ чисто психологическое явленіе, никакого явленія на существо поступка не имѣетъ. 3) Лишено всякаго значенія, съ точки зрѣнія фактическаго признака, указаніе палаты на то, что операція не вызывалась жалобами больной, ни просьбами ея родителей. Разъ палата установила, что больная Чернова пришла добровольно въ клинику Модлинскаго, чувствуя очевидно потребность въ леченіи, то,

конечно не больная Чернова должна была указывать врачу, какъ и гдѣ ее лѣчить, а это относилось всецѣло къ обязанности послѣдняго и вытекало изъ того довѣрія, которое законъ къ врачу питаетъ, давая ему право лѣчить другихъ. Вполнѣ умѣстно и въ этомъ случаѣ указаніе на отсутствіе той же причинной связи между чисто психологическимъ явленіемъ—отсутствіемъ жалобъ на болѣзнь и смертью больной. 4) Наконецъ палата усматриваетъ фактически признакъ преступной неосторожности въ томъ, что Модлинскій не обсудилъ состоянія больной, не проникся важностью и опасностью предпринимаемаго дѣянія. Не говоря уже о полной неопредѣленности этихъ обвиненій палаты о томъ, что гдѣ же тотъ масштабъ или критерій, по которому палата приходитъ къ заключенію о неудовлетворительности чисто душевной и умственной дѣятельности обвиняемаго, дѣятельности, являющейся сокровенной для всякаго посторонняго и неподдающейся контролю уголовнаго закона и суда, я не могу опять не указать на то, что въ этомъ никакъ нельзя видѣть неосторожности уголовно-наказуемой, ибо таковая должна выразиться въ чисто-физическомъ, по своему существу неосторожномъ, дѣйствіи. Кромѣ того, какъ и во всемъ предыдущемъ, такъ и здѣсь нѣтъ той связи между смертью Черновой и тѣми обвиненіями, которыя палатой къ Модлинскому предъявлены. Ибо очевидно, что еслибы Модлинскій лучше, старательнѣе, такъ, какъ угодно палатѣ, хотя и неизвѣстно какъ именно, обсудилъ положеніе больной, то все таки онъ операцію произвелъ бы такъ-же правильно, съ такимъ же знаніемъ дѣла, а больная тѣмъ не менѣе умерла бы. Такимъ образомъ въ конечномъ результатѣ то обвиненіе, которое предъявлено палатой и признано ею доказаннымъ, не содержитъ въ себѣ законныхъ признаковъ 1468 ст. улож. Съ своей стороны, находя, что въ дѣяніи Модлинскаго нѣтъ признаковъ какого-либо преступленія, я позволю себѣ привести въ подтвержденіе этого слѣдующія соображенія. Законъ 81, 82 ст. уст. врач. 960 ст. уст. мед. пол. и 872 ст. улож. обязываютъ всякаго врача оказывать нуждающимся врачебную помощь, т. е. леченіе больныхъ есть прямая обязанность, священный долгъ врача. Долгъ этотъ врачъ исполняетъ по мѣрѣ обращенія къ нему, но полагаю—не больной указываетъ врачу, отчего и какъ его надо лѣчить, а наоборотъ. Слѣдовательно, если на попеченіе врача, въ особенности въ больницу, поступилъ больной, то врачъ всецѣло отвѣчаетъ за его здоровье и принятыя врачемъ всякія врачебныя средства, употребленныя для возстановленія здоровья больного, хотя бы это была опе-

рація или сильно дѣйствующіе яды, разъ они допущены медицинской наукой и врачъ не обнаружилъ незнанія врачебнаго искусства, не могутъ составлять преступнаго дѣянія. А коль скоро законъ не ставитъ условіемъ для выбора того или другого способа леченія больного согласія послѣдняго, то отсутствіе этого согласія также нельзя ставить въ вину врачу. Это можетъ быть предметомъ нравственныхъ упрековъ, требованій морали, но никакъ не уголовнаго суда. Врачъ можетъ обвиняться или въ незнаніи медицинской науки, или въ производствѣ неосторожнаго дѣянія, но послѣднее должно выражаться не въ психологическихъ моментахъ сознанія врача, а въ реальныхъ физическихъ дѣйствіяхъ, по своему свойству являющихся неосторожными, какъ-то: врачъ забылъ въ хирургической ранѣ пинцетъ, губку, подмѣнилъ лекарство, имѣлъ загрязненные инструменты и т. п. Въ данномъ же случаѣ Модлинскій ничего подобнаго не сдѣлалъ и, если въ чемъ либо виноватъ, то развѣ только въ томъ, что слишкомъ ревниво и притомъ совершенно безкорыстно исполнялъ свою обязанность, стремился къ спасенію приговоренной къ смерти больной дѣвушки Черновой и для этого lege artis сдѣлалъ операцію. Но едва ли возможно допустить, чтобы такія дѣйствія врача могли повлечь за собою уголовную отвѣтственность. Дѣло это является дѣломъ исключительной важности, оно затрогиваетъ серьезнѣйшія права цѣлой группы общественныхъ дѣятелей-врачей, оно касаются существеннѣйшихъ интересовъ самаго общества, судебныя инстанціи одыскиваютъ разныя статьи уголовнаго закона и приходятъ къ разнымъ выводамъ, защита же все время настаиваетъ на полномъ отсутствіи состава преступленія. Въ виду этого я почтительнѣйше прошу Правительствующій Сенатъ обратить вниманіе на всѣ обстоятельства этого выдающагося съ общественной точки зрѣнія дѣла и освободить доктора Модлинскаго отъ незаслуженнаго наказанія, указавъ, что онъ ничего преступнаго не совершилъ, что уголовной вины въ его дѣяніи нѣтъ. На основаніи всего вышеизложеннаго я, за силою 1 ст. улож., 1 ст. уст. угол. суд., покорнѣйше прошу Правительствующій Сенатъ отмѣнить преданіе суду доктора Модлинскаго и состоявшійся по этому дѣлу приговоръ Московской судебной палаты и дѣло производствомъ прекратить, или же, по нарушенію 1468 ст. улож. и 797, 892 и 912 ст. уст. угол. суд., отмѣнить приговоръ палаты и дѣло передать для новаго разсмотрѣнія въ ту же палату, но въ другомъ составѣ присутствія.

19 ноября дѣло это слушалось въ судебномъ засѣданіи Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената.

Защитникъ д-ра Модлинскаго прис. повѣр. Ледницкій произнесъ слѣдующую рѣчь: Господа Сенаторы. Наше дѣйствующее законодательство весьма не богато нормами, регулирующими взаимныя отношенія врачей и общества. Лишь нѣсколько, статей: 690 ст. Уст. Медиц. полиціи 82 и 81 ст. Уст. Врачебнаго, 870 и 872 ст. улож. нак.

Источникомъ для этихъ статей послужилъ утвержденный Императоромъ Павломъ I докладъ Медицинской Коллегіи 19 Января 1797 года, въ параграфѣ 33 коего говорилось: «хотя каждаго врача есть первый долгъ быть человѣколюбиву и во всякомъ случаѣ готову къ поданію помощи людямъ, болѣзнями одержимымъ, но качество сіе для оператора несравненно нужнѣе, поелику дѣйствуетъ его рука и безъ помощи его иногда никакія средства не въ состояніи не только исцѣлить, ниже облегчить болѣзни».

Этотъ докладъ медицинской коллегіи и былъ источникомъ двухъ изъ приведенныхъ раньше статей, изъ которыхъ первая 690 устанавливаетъ, что подавать врачебную помощь людямъ, болѣзнями одержимымъ, есть долгъ всѣхъ врачей, не оставившихъ практики, а вторая—82 ст. устава Врачебнаго указываетъ, что хирургъ, призванный къ больному, надъ которымъ нужно сдѣлать операцію, не долженъ, буде время и обстоятельства позволятъ, совершать ее безъ совѣта другихъ врачей, особенно въ важныхъ случаяхъ.

Изъ этихъ законоположеній вполнѣ ясно, что леченіе больныхъ есть долгъ врачей, который они исполняютъ по мѣрѣ обращенія къ нимъ. Этимъ исчерпывается требованіе общаго закона къ русскому врачу. Исходя изъ понятій, усвоенныхъ прежнимъ полицейскимъ государствомъ, нашъ законъ ставитъ врачей въ положеніе агентовъ государства, ввѣряя ихъ заботамъ жизнь и здоровье гражданъ, обязывая ихъ, подъ страхомъ уголовной кары по 872 ст. Улож., не отказываться отъ исполненія этой обязанности и воспрещая всѣмъ прочимъ, не имѣющимъ разрѣшенія государства въ видѣ докторскаго диплома, врачевать больныхъ, воспрещая даже самимъ гражданамъ обращаться за врачебной помощью къ не врачамъ. Изъ этого видно, что ни гдѣ въ нашемъ законѣ не говорится о согласіи больного на то или другое леченіе вообще и на хирургическую операцію въ частности, какъ условіи правомѣрности врачебной дѣятельности. Съ точки зрѣнія нашего закона такая правомѣрность по существу своему не

нуждается ни въ какомъ другомъ основанiи, кромѣ врачебной цѣли въ связи съ профессiональнымъ правомъ врача и призывомъ его къ ложу больнаго. И указанiе закона, что врачъ лечитъ по приглашенiю, влечетъ за собою допущенiе широкаго простора для законной презумпцiи о согласiи больного, разъ онъ врача къ себѣ призываетъ; слѣдовательно, въ самомъ фактѣ обращенiя больного къ врачу необходимо видѣть изъявленiе воли на подчиненiе врачебному леченiю, а такое изъявленiе воли тѣмъ болѣе должно быть презумировано, разъ больной добровольно ложится въ хирургическую больницу. Умолчанiе закона о согласiи больного, какъ основанiи правомѣрности врачебной дѣятельности, я не склоненъ объяснять недостаткомъ закона, пробѣломъ. Наоборотъ, я думаю, что законодатель считался съ условiями нашей страны, населенной въ 80 % необразованной и непросвѣщенной массой, не могущей разобраться въ своемъ положенiи; и допуская возможность злоупотребленiй со стороны врачей, исполняющихъ свою обязанность, законодатель оставляетъ злоупотребленiя безнаказанными; руководствуясь утилитарной точкой зрѣнiя, избираетъ меньшее зло, ибо въ противномъ случаѣ при предъявленiи слишкомъ строгихъ формальныхъ требованiй къ врачамъ общество потерпитъ большiй ущербъ. Вѣдь нельзя же не считаться съ тѣмъ, что злоупотребленiя со стороны врачей сравнительно рѣдки, что лучше всего доказывается тѣмъ, что Правительствующему Сенату пришлось впервые разбирать подобное дѣло; отъ такихъ злоупотребленiй общество охраняютъ условiя дѣятельности свободной профессiи врачей, врачебная этика, врачебная политика, ихъ личный интересъ возбуждать къ себѣ довѣрiе, уваженiе, популярность среди больныхъ. Зато случаи обратнаго явленiя, когда общество страдаетъ отъ узкаго формализма, весьма и весьма часты.

Петербургскiй врачебный органъ послѣ рѣшенiя Суда по дѣлу Модлинскаго писалъ, что все врачебное сословiе будетъ ждать съ напряженнымъ чувствомъ приговора по кассацiонной жалобѣ, ибо послѣдствiя его неисчислимы, ибо отъ него зависитъ судьба русской хирургiи. И дѣйствительно, уже послѣ настоящаго процесса былъ цѣлый рядъ случаевъ, наводящихъ на тяжелыя размышленiя. Въ Елисаветградѣ, въ больницу къ доктору привозятъ мальчика съ раздробленнымъ на мукомольной мельницѣ предплечьемъ; для спасенiя жизни больного нужно немедленно было сдѣлать отнятiе руки, но отецъ не согласился; врачъ, опасаясь уголовной отвѣтственности, операцiи не сдѣлалъ, и больной былъ обреченъ на неминуемую смерть. Въ одну изъ Московскихъ Клиникъ поступилъ мальчикъ съ гнойнымъ

воспаленіемъ уха; профессоръ немедленно бы приступилъ къ операціи, но послалъ за родителями спросить, согласны ли они на операцію; родители жили въ деревнѣ,—прошло четыре дня, и мальчикъ умеръ. А случай съ профессоромъ Кеселеромъ въ Юрьевѣ, гдѣ не была сдѣлана операція ампутаціи гангренозной ноги у женщины, мужъ которой не согласился на операцію,—женщина умерла. Въ кіевскую больницу привезли ребенка, задыхающагося отъ дифтерита зѣва; мать противилась операціи; врачъ силой удалилъ мать изъ больницы, сдѣлалъ трахеотомію и спасъ жизнь ребенка.

Вотъ, что жизнь даетъ, какіе вопросы, какія коллизіи выдвигаетъ на первый планъ!

Скажутъ, что нужно дѣлать исключенія для малолѣтнихъ, безумныхъ; но вѣдь ихъ замѣняютъ опекуны, т. е. мы имѣемъ дѣло съ полноправной стороной; и одно изъ двухъ: либо врачъ имѣетъ право дѣлать операцію, либо онъ не въ правѣ дѣлать таковую безъ согласія опекуновъ. А цѣлый рядъ другихъ случаевъ подачи помощи раненымъ во время желѣзнодорожныхъ катастрофъ, спасенія самоубійцы, развѣ и тутъ необходимо согласіе?

Нельзя притомъ не считаться съ психологіей больныхъ; вѣдь только люди съ сильной волей рѣшаютъ смѣло вопросъ объ операціи, а большинство слабыхъ, въ подавленномъ вслѣдствіе болѣзни состояніи, сами не знаютъ, хотятъ ли они операціи или же нѣтъ, и ихъ рѣшеніе зависитъ отъ постоянно мѣняющагося настроенія, колеблющагося между надеждой на выздоровленіе и опасеніемъ ухудшить свое положеніе, и даютъ-то они согласіе полусловомъ, возлагая отвѣтственность на врача: «если находите нужнымъ». и т. д.

Развѣ можно при такихъ условіяхъ дѣятельности врача ставить таковую въ зависимость отъ формальностей, соблюденіе которыхъ заставитъ врача вмѣсто того, чтобы заботиться о спасеніи жизни больного, думать о своей собственной безопасности. Я убѣжденъ, что многіе врачи пожертвуютъ своимъ спокойствіемъ, своимъ «я», во многихъ случаяхъ спасутъ больного безъ его согласія, но сколько же будетъ случаевъ обратнаго отношенія, строго формальнаго, сколько будетъ тяжелыхъ послѣдствій его.

Все это приводитъ меня къ твердому убѣжденію, что нашъ законодатель со всѣми этими жизненными условіями считался, и поэтому одно лишь требованіе къ врачу предъявляетъ—лечить по приглашенію больного. Разсматривая врача, какъ своего агента, какъ свое довѣренное лицо, нашъ законъ создаетъ привиллегію врачу—право врачеванія и неотвѣтственность таковаго подъ однимъ лишь условіемъ,

чтобы это леченіе отвѣчало требованіямъ науки и было добросовѣстно.

Отсюда и право хирурга производить операцію, отсюда и основаніе неотвѣтственности хирурга, которое кроется не въ волѣ больного, а въ цѣли операціи и въ правѣ врача.

Этимъ положеніе русскаго врача значительно отличается отъ положенія другихъ врачей, наприм. американскихъ, гдѣ каждый имѣетъ право лечить, или германскаго его собрата, гдѣ врачебная профессія является простымъ свободнымъ ремесломъ, не создающимъ никакихъ профессіональныхъ въ отношеніи государства обязанностей,—хочу лечу, хочу нѣтъ. Тамъ и разсужденія могутъ быть другія, какъ это видно изъ приведеннаго въ одномъ изъ спеціальныхъ журналовъ рѣшенія германскаго рейхсгерихта 1893 года; но и въ этомъ рѣшеніи говорится о необходимости широкаго толкованія, предположительнаго согласія, выводимаго изъ конклюдентныхъ дѣйствій больного, въ особенности, если больной пришелъ въ больницу и тѣмъ самымъ выразилъ волю на подчиненіе больничному режиму. Въ нѣмецкой судебной практикѣ на нашихъ дняхъ былъ случай, весьма сходный съ настоящимъ. Къ профессору Дирзену, по указанію другого врача, явилась больная, и профессоръ произвелъ ей немедленно тяжелую женскую операцію. Больная возбудила обвиненіе въ производствѣ операціи безъ ея согласія. Берлинскій апелляціонный судъ оправдалъ профессора Дирзена, установивъ, что у него должно было сложиться убѣжденіе въ согласіи больной на операцію, коль скоро она къ нему, хирургу, гинекологу, явилась, и онъ объ ея приходѣ былъ извѣщенъ постоянно ее пользующимъ врачемъ. И въ настоящемъ случаѣ, какъ Судебная Палата установила, Чернова сама явилась въ больницу Модлинскаго: Модлинскій все время утверждалъ, что онъ со словъ ассистента-врача былъ твердо убѣжденъ въ согласіи больной; а Палата ему поставила въ вину, что онъ не проникся важностью операціи и самъ не испросилъ согласія. Все это идетъ вразрѣзъ съ вытекающей изъ вышеприведенныхъ разсужденій презумпціей.

Но если дѣйствующій законъ не требуетъ согласія больного для правомѣрности операціи, то возможно ли подвергать врача уголовной отвѣтственности за нарушеніе этого несуществующаго закона? Nullum crimen sine lege.

Правительствующій Сенатъ, согласно 201 ст. Учр. Прав. Сен., можетъ возбудить въ законодательномъ порядкѣ вопросъ объ изданіи новаго закона, но едва ли можно допустить, чтобы кто-либо несъ уголовную кару за совершеніе того, что прямо закономъ не воспрещается.

Судебная Палата, установивъ, что нѣтъ закона, ни обязывающаго врача испрашивать согласіе на операцію, ни возбраняющаго дѣлать таковую безъ этого согласія, тѣмъ не менѣе подвела дѣяніе Модлинскаго подъ 1468 ст. Улож., т. е. обвинила въ неосторожномъ убійствѣ.; но едва ли это вѣрно.

Прежде всего необходимо имѣть въ виду, что при производствѣ операціи смерть—явленіе случайное, внѣ воли врача стоящее. Отъ самой легкой операціи больной можетъ умереть и самую тяжелую можетъ вынести. Есть же въ хирургіи такъ называемые несчастные случаи. А разъ это такъ, то стало быть явленіе, чисто случайное,—смерть оперируемаго будетъ создавать вину и отвѣтственность врача. Значитъ, врачъ, сдѣлавшій безъ согласія больного весьма серьезную операцію, скажемъ: отнятіе ноги, вынутіе глаза и т. п., останется безнаказаннымъ, ибо къ его дѣянію нельзя примѣнить 1468 ст., кореннымъ условіемъ примѣненія которой является наличность смерти, какъ послѣдствія неосторожности.

Далѣе, статья эта, трактующая о совершеніи дѣянія, закономъ не воспрещеннаго, но явно неосторожнаго, отъ котораго однако нельзя было ждать вредныхъ послѣдствій, не примѣнима къ настоящему случаю, ибо, какъ разъяснено въ кассац. рѣш. 1890 г. № 42, неосторожность должна выражаться въ чисто физическомъ дѣйствіи: врачъ забылъ губку, пинцетъ въ ранѣ,—а не въ психологическомъ моментѣ—сознаніи врача о согласіи или несогласіи больного на операцію; нужно при этомъ, чтобы была причинная связь между неосторожностью и смертью, чтобы, логически разсуждая, можно было прійти къ такому выводу: операція по неосторожности сдѣлана безъ согласія больной—больная умерла, а если бы эту неосторожность устранить, то смерти не послѣдовало бы. Но, допустимъ, операція сдѣлана съ согласія больной, и что же? больная тоже умерла.

Мнѣ возражали на это «что согласіе не было бы дано, операція не была бы сдѣлана, а отчего бы умерла больная, остается неизвѣстнымъ. Но такимъ разсужденіемъ можно доказать все, что угодно. Я послалъ прислугу съ письмомъ; прислуга попала подъ трамвай и была убита,—я виноватъ: если бы я не посылалъ прислуги, она не попала бы подъ трамвай, а отчего бы она умерла, остается неизвѣстнымъ» Если бы Модлинскій получилъ согласіе родителей Черновой, операція была бы сдѣлана, больная умерла бы, то Модлинскій былъ бы правъ, но виноваты родители, ибо если бы они не дали согласія, то операція не была бы произведена и т. д. и т. д.

Такимъ образомъ, отсутствіе согласія на производство операціи

никакъ не можетъ разсматриваться, какъ фактическій признакъ преступной неосторожности, и въ этомъ отношеніи приговоръ Палаты постановленъ съ явнымъ нарушеніемъ 1468 ст. Улож.

Неосновательно заключеніе Палаты и о томъ, что Модлинскій не проникся важностью операціи, сдѣлалъ операцію, не вызывавшуюся жалобами больной, ибо это обвиненіе, въ высшей степени неопредѣленное, лишено всякаго значенія съ точки зрѣнія наличности законныхъ признаковъ инкриминируемаго Модлинскому преступнаго дѣянія.

Слѣдуетъ остановиться еще на одномъ соображеніи Палаты, что Модлинскій произвелъ операцію, не бывшую неотложной 5 марта. Но Палата, основавъ это свое заключеніе на мнѣніи Медицинскаго Департамента и экспертовъ, упустила изъ вида, что какъ Департаментъ, такъ и эксперты, категорически указываютъ, что операція была показана къ производству, а обнаруженная Модлинскимъ въ полости живота Черновой мезентеріальная киста тѣмъ болѣе показывала ея удаленіе, какъ явно угрожающая жизни больной, т. е. что Модлинскій не ошибся въ діагнозѣ и сдѣлалъ такую операцію, которая къ производству вообще пользуется. Вотъ эти-то объективныя данныя обязательны для всякаго врача, а дальше уже слѣдуетъ субъективный взглядъ каждаго хирурга, не поддающійся провѣркѣ уголовнаго суда. Хирургія есть наука, но въ то же время это и искусство, и успѣхъ ея зависитъ отъ индивидуальныхъ способностей хирурга, отъ его смѣлости, опыта, таланта. И эту постоянно развивающуюся, идущую впередъ науку едва ли возможно подвергать контролю положительнаго уголовнаго закона. Вѣдь нельзя же возстановлять упоминаемую Геродотомъ «священную книгу», имѣвшую въ древности своимъ послѣдствіемъ уничтоженіе всякой иниціативы врача и дальнѣйшаго развитія врачебной науки. А въ медицинѣ современной, въ особенности въ хирургіи, то, что вчера было невозможнымъ, чего никто не рѣшался дѣлать, то нынче спасаетъ жизнь людямъ, и всѣми врачами практикуется, какъ, напримѣръ, извѣстныя операціи Спенсера Уоэльса, впервые рѣшившагося произвести удаленіе оваріальной кисты.—А вопросъ, когда нужно дѣлать операцію, можетъ рѣшить только хирургъ, ее дѣлающій, согласно убѣжденію своей совѣсти, согласно своему знанію. Здѣсь субъективизмъ врача играетъ первѣйщую роль. Лучшей иллюстраціей служитъ данное по этому дѣлу заключеніе экспертовъ, гдѣ одинъ—Снегиревъ говоритъ, что онъ произведенной Модлинскимъ операціи не дѣлалъ бы, ввиду отсутствія жизненныхъ показаній, а другой—Дьяконовъ,—что откла-

4

дывать операцію и ждать жизненныхъ показаній онъ считалъ бы преступленіемъ.

Не находя такимъ образомъ законныхъ признаковъ состава преступленія по 1468 ст. Улож о наказ., я долженъ остановиться на возможности примѣненія 142 ст. Уст. и 1466 ст. Улож., примѣненныхъ къ дѣянію Модлинскаго Окружнымъ Судомъ. Вторая статья явно не примѣнима къ настоящему случаю, ибо нужно указать нарушеніе какого-либо спеціальнаго постановленія, ограждающаго личную безопасность или общественный порядокъ, но вѣдь въ данномъ процессѣ этого нѣтъ: врачебная операція не есть же закономъ дѣяніе воспрещенное. Не примѣнима и 142 ст., такъ какъ самоуправство предполагаетъ самовольное осуществленіе, помимо установленныхъ властей, какого-либо воображаемаго права и при томъ по преимуществу имущественнаго, а у врача нѣтъ права, а есть долгъ—обязанность; но если и допустить, что право это есть, то осуществленію его не могутъ способствовать никакія установленныя власти. Нѣтъ и другого элемента самоуправства—насилія. Если считать насиліемъ моментъ хлороформированія, то оно не составляетъ самостоятельнаго поступка и является необходимымъ условіемъ производства операціи. Одно изъ двухъ: если операція преступленіе, то она поглощаетъ составную часть его—насиліе, если же она не преступленіе, то и хлороформированіе, какъ составная часть этого непреступнаго дѣянія, не можетъ быть наказуема.

Я нанесъ кому-либо рану ножемъ, но прежде чѣмъ ударить, я взялъ за рукавъ,—я совершилъ насиліе,—но вѣдь оно поглощается бо́льшимъ преступленіемъ—нанесеніемъ раны.

Вопросъ объ операціи, съ точки зрѣнія уголовнаго права, не разрѣшенный нашимъ кодексомъ, не разрѣшенъ и доктриной, ибо существующія теоріи основанія правомѣрности врачебной дѣятельности—къ разнымъ выводамъ приходятъ. Но думается мнѣ, что во всякомъ случаѣ согласіе больного не создаетъ безотвѣтственности хирурга, ибо безцѣльная или съ преступной цѣлью операція, хотя бы и съ согласія оперируемаго не можетъ быть оставлена безъ наказанія. Врачъ, съ цѣлью способствовать кому-либо въ уклоненіи отъ воинской повинности, сдѣлалъ съ его согласія хирургическую рану, отъ которой уклоняющійся умеръ,—развѣ врачъ будетъ обвиняться только въ пособничествѣ членовредительству съ цѣлью уклоненія отъ воинской повинности?—я думаю нѣтъ, къ нему будетъ предъявлено обвиненіе въ нанесеніи тяжкихъ ранъ, послѣдствіемъ коихъ была смерть.

Стоя на точкѣ зрѣнія дѣйствующаго закона, я думаю, что и съ

теоретической точки зрѣнія слѣдуетъ придти къ выводу, что правомѣрность врачебной дѣятельности покоится на врачебной цѣли операціи, на профессіональномъ правѣ врача и на призывѣ больнаго.

Судебная Палата въ своемъ приговорѣ всѣ эти три фактора твердо установила: операція была для спасенія жизни Черновой, сдѣлана была Модлинскимъ, врачемъ, къ которому Чернова сама обратилась, придя въ его клинику. При такихъ условіяхъ трудно примириться съ обвинительнымъ приговоромъ Палаты.

Въ заключеніе я не могу не обратить вниманія Правительствующаго Сената на допущенное Палатой въ приговорѣ противорѣчіе, въ явное нарушеніе 797 и 892 ст. Уст. Угол. Суд.—Палата говоритъ: «нѣтъ закона, обязывающаго врача испрашивать согласіе больного на операцію»; казалось бы, прямымъ послѣдствіемъ такого утвержденія должно быть признаніе безотвѣтственности врача за операцію больного, а Палата, въ конечномъ выводѣ, вопреки первому своему положенію, какъ разъ и обвинила Модлинскаго за производство операціи безъ согласія Черновой.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ и поддерживая въ остальныхъ частяхъ мою кассаціонную жалобу, я покорнѣйше прошу Правительствующій Сенатъ, за силою 1 ст. Улож. о Нак. и 1 ст. Уст. Угол. Суд., приговоръ Московской Судебной Палаты по настоящему дѣлу отмѣнить и дѣло производствомъ прекратить.

Оберъ-прокуроръ В. Н. Случевскій въ заключеніи своемъ нашелъ, что кассаціонная жалоба Модлинскаго вѣрно указываетъ на исключительную важность этого дѣла. Оно дѣйствительно затрогиваетъ серьезнѣйшіе интересы цѣлой группы общественныхъ дѣятелей—врачей, равно какъ и самого общества. Врачамъ нужно знать, что могутъ и чего не могутъ по закону предпринимать они въ отношеніи паціентовъ и когда уголовный законъ угрожаетъ имъ за содѣяніе, а когда за оставленіе больного безъ помощи. Но, въ этомъ дѣлѣ есть еще и другая важная сторона; выдвигается вопросъ о томъ, насколько личность человѣка, обратившагося къ врачу за помощью, гарантирована отъ непрошенныхъ услугъ его, создающихъ страданія, опасность для здоровья и жизни.

Главнымъ вопросомъ, выдвигаемымъ въ кассаціонной жалобѣ, представляется вопросъ о томъ, есть-ли наличность состава преступленія въ дѣйствіяхъ Модлинскаго, установленныхъ судебною палатою и выразившихся въ томъ, что онъ совершилъ надъ Черновою операцію безъ ея согласія, операцію опасную, не вызванную неотложною необходимостью, и повлекшую за собою смерть Черновой.

*

Нашъ уголовный законъ знаетъ двѣ группы преступныхъ дѣйствій врачей: 1) Ст. 870 улож. о нак. предусматриваетъ въ отдѣлѣ о нарушеніяхъ Уставовъ врачебныхъ случаи неправильнаго леченія, ошибокъ и незнанія, обнаруженныхъ въ немъ, и 2) къ врачамъ находятъ примѣненіе постановленія карательнаго закона объ общихъ преступленіяхъ противъ здоровья и жизни, совершаемыхъ врачами при помощи врачебныхъ способовъ дѣйствія. По статьѣ 870 улож. Модлинскій не обвиняется и какой-бы ни состоялся о немъ окончательный приговоръ, онъ выйдетъ изъ суда съ незапятнанною репутаціею врача, знающаго свое дѣло. Онъ обвиняется по второй группѣ преступленій, а именно по ст. 1468 улож., предусматривающей случай неосторожнаго причиненія смерти.

Преступленіе это, какъ и всякое преступленіе, имѣетъ двѣ стороны—внѣшнюю, объективную и, кромѣ того, сторону внутреннюю, заключающуюся въ свойствахъ воли и намѣреній, выразившихся въ преступномъ дѣйствіи. Кассаціонная жалоба возражаетъ противъ обѣихъ сторонъ приписываемаго Модлинскому преступленія.

Въ отношеніи внѣшней стороны преступленія жалоба находитъ, что Модлинскій дѣйствовалъ въ предположеніи, что имѣетъ согласіе Черновой на операцію и что во всякомъ случаѣ, при данныхъ условіяхъ, по долгу врача онъ могъ рѣшиться на операцію и не имѣя согласія Черновой. Кромѣ того, указывается на отсутствіе причинной связи между дѣйствіями подсудимаго и послѣдовавшею смертью Черновой.

Останавливаясь на первомъ доводѣ, оберъ-прокуроръ нашелъ, что судебная палата признала, что Модлинскій дѣйствовалъ безъ согласія Черновой и ея родителей, и этотъ фактъ, за силою ст. 5 учр., имѣетъ обязательное для кассаціоннаго суда значеніе. Приходится слѣдовательно только обсудить вопросъ о томъ, могъ ли Модлинскій произвести операцію безъ согласія потерпѣвшей и ея родственниковъ.

Согласіе паціента, или его представителей—существенное условіе для приступа врача къ операціи, въ особенности операціи, по собственному признанію подсудимаго, опасной. О необходимости согласія паціента говоритъ намъ авторитетное мнѣніе высшаго медицинскаго установленія—медицинскаго Совѣта, и Модлинскій, какъ профессіональный врачъ, долженъ былъ знать о существованіи этой этической заповѣди врача. Но есть кромѣ того и серьезныя правовыя основанія, говорящія за необходимость этого согласія. Признаніе неприкосновенности такого права личности, какъ право

на жизнь, должно быть присуще всякому живущему въ обществѣ человѣку. Сознаніе этого непреложнаго права живетъ въ совѣсти каждаго въ качествѣ повелительныхъ нормъ: «не убій», «не учиняй насилій надъ ближнимъ», и т. п.; законъ не создаетъ этихъ нормъ, а только пользуется ими какъ готовыми, живущими въ сознаніи людей правилами, и такъ какъ безъ соблюденія ихъ жизнь общественная была-бы немыслима, то законъ охраняетъ ихъ неприкосновенность силою своихъ разнообразныхъ постановленій, принадлежащихъ преимущественно къ области права полицейскаго и уголовнаго. Поэтому, казалось бы, нельзя придать значенія аргументаціи защиты, построенной на утвержденіи, что Модлинскій могъ не знать того, что можно рѣшиться на произведеніе опасной для жизни операціи, не интересуясь согласіемъ паціента или его представителей. Вопросъ можетъ быть только въ томъ, могъ-ли врачъ, въ виду исключительныхъ обстоятельствъ даннаго случая, пренебречь этимъ основнымъ началомъ этической и соціальной жизни. Оберъ-Прокуроръ полагаетъ, что не существуетъ такихъ особыхъ правовыхъ основаній, по которымъ бы врачъ, въ уклоненіе отъ другихъ профессіональныхъ дѣятелей, могъ безнаказанно вторгаться въ правовую сферу другого лица, безъ согласія послѣдняго. Въ самомъ дѣлѣ, на чемъ можно было-бы построить эти исключительныя основанія? Казалось-бы, только на одномъ, на увѣренности врача въ безошибочности установленнаго имъ діагноза и средствъ леченія. Но современная медицина далека отъ убѣжденія въ своей непогрѣшимости. Еще немного десятилѣтій отдѣляютъ насъ отъ высказаннаго знаменитымъ французскимъ физіологомъ Клодъ-Бернаромъ утвержденія, что безошибочно врачъ можетъ установить свой діагнозъ не у постели больного, а только соотвѣтственно результатамъ медицинскаго вскрытія трупа своего бывшаго паціента.

Для признанія правъ врача вторгаться въ правовую сферу паціента, помимо его согласія, нужно подыскать основанія юридическія, а между тѣмъ найти ихъ невозможно. Право не живетъ жизнью изолированною, оно всегда предполагаетъ существованіе соотвѣтствующей ему «обязанности». Тотъ, кто признаетъ, что врачъ имѣетъ право безъ согласія паціента располагать для операціи его тѣломъ, долженъ доказать, что паціентъ обязанъ подчиниться требованію врача, но очевидно, что такой обязанности не существуетъ, а между тѣмъ право, осуществляясь внѣ соотвѣтствующихъ сферы обязанностей, есть мнимое право или вѣрнѣе есть насиліе. Можно-ли утверждать,

что въ наше время существуютъ мѣста, вступивъ въ которыя, человѣкъ теряетъ право располагать своими естественными, личными правами? Можно-ли утверждать, что, переступивъ порогъ больницы или квартиры врача, человѣкъ перестаетъ быть «личностью» и превращается въ «объектъ», находящійся въ полномъ распоряженіи вооруженнаго научными познаніями врача?

Независимо отъ изложенныхъ соображеній можно и въ постановленіяхъ дѣйствующаго законодательства нашего найти указаніе на то, что согласіе паціента должно обусловить собою возможность совершенія надъ нимъ операціи. Уставы врачебные (какъ напримѣръ въ ст. 81, 82, 690) характеризуютъ обязанность врача въ качествѣ лежащаго на немъ долга, оказывать «помощь» и «пособіе» больнымъ. Иными словами, законъ признаетъ медицинскую дѣятельность врача дѣятельностью вспомогательною и служебною въ отношеніи больного и только при эпидемическихъ болѣзняхъ рекомендуетъ священникамъ ст. 746) внушать прихожанамъ «чтобы были спокойны», «полагались на благость Божію» и «повиновались безропотно совѣтамъ и приказаніямъ врачей». Внѣ такихъ крайнихъ проявленій болѣзни, угрожающихъ общественнымъ бѣдствіемъ, не встрѣчается въ законѣ указаній на «безропотное» повиновеніе врачамъ, да и въ приведенномъ случаѣ оно рекомендуется устами священниковъ и слѣдовательно имѣетъ не болѣе, какъ значеніе совѣта. Соотвѣтствующія указанія можно вывести и изъ постановленій уголовнаго закона. Съ точки зрѣнія послѣдняго, согласіе на операцію есть согласіе на причиненіе тѣлеснаго поврежденія. Мы не находимъ въ общей части Уложенія о наказаніяхъ постановленія, которое-бы установляло значеніе для тѣлесныхъ поврежденій согласія потерпѣвшаго, въ особенной же части существуютъ статьи, указывающія на случаи совершенія тѣлесныхъ поврежденій, при которыхъ согласіе потерпѣвшаго не уничтожаетъ преступности. Такъ, по ст. 201 улож. оскопленіе другихъ, хотя бы и съ ихъ согласія, преступно, также какъ по 514 ст. улож. преступно изувѣченіе съ цѣлью воспрепятствованія къ поступленію на воинскую службу, совершенное по желанію или съ согласія изувѣченнаго. Отсюда неизбѣженъ выводъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда законодатель умалчиваетъ о согласіи въ составѣ преступленій, согласіе уничтожаетъ ихъ преступность. Значитъ согласіе при тѣлесныхъ поврежденіяхъ уничтожаетъ ихъ преступность и вредъ, причиняя тѣлесное поврежденіе оперируемому больному, нуждается въ этомъ согласіи для того, чтобы не подпасть подъ дѣйствіе уголовнаго закона.

Такимъ образомъ, съ какой бы стороны ни смотрѣть на возбуж-

денный кассаціонною жалобою вопросъ—со стороны этической, правовой или законной—врачъ, приступившій къ операціи (а тѣмъ болѣе операціи, угрожавшей жизни) безъ согласія паціента, или его ближнихъ, является отвѣтственнымъ предъ уголовнымъ закономъ лицомъ.

Выводъ этотъ не можетъ быть опровергнутъ указаніемъ кассаціонной жалобы на то, что больной не можетъ указывать врачу «какъ и гдѣ лечить», а также соображеніемъ, что согласіе не отъ всѣхъ больныхъ получать возможно—какъ напр., отъ сумасшедшихъ, находящихся въ агоніи, малолѣтнихъ.

Въ отношеніи этого вывода необходимо прежде всего замѣтить, что сознаніе должно относиться къ моменту приступа операціи, а не къ послѣдующимъ моментамъ производства ея. Несомнѣнно, что врачъ, съ согласія паціента начавшій операцію и во время производства ея убѣждающійся о необходимости отступить отъ первоначальной программы, на которую получилъ согласіе, можетъ не затрудняться объемомъ и содержаніемъ даннаго ему согласія. Паціентъ, давъ согласіе, уничтожаетъ существовавшее для операціи препятствіе и тѣмъ самымъ даетъ свободу дѣйствіямъ врача, безпрепятственно руководствующемуся затѣмъ указаніями своей совѣсти, знаній и опыта. Что касается до препятствій на полученіе согласія, существующихъ въ моментъ приступа къ операціи и заключающихся въ личномъ состояніи субъекта, то разнообразіе могущихъ здѣсь встрѣтиться случаевъ дѣлаетъ невозможнымъ подысканіе одного общаго начала, по которому всѣ бы они разрѣшались. Все будетъ зависѣть тутъ отъ индивидуальныхъ обстоятельствъ каждаго даннаго случая. При производствѣ, напр., трепанаціи мы встрѣтимся съ случаемъ, по которому искать основаній для установки правового момента можетъ быть прійдется въ ученіи о состояніи крайней необходимости. При спасеніи врачемъ лица, покушавшагося на самоубійство, можетъ быть, даже противъ воли послѣдняго, врачу придется имѣть дѣло съ явленіями противуправоваго дѣйствія, неизбѣжно оказывающаго вліяніе на юридическія свойства поступка врача. При оказаніи врачемъ помощи въ случаяхъ эпидеміи, онъ встрѣтится съ интересами публичными, съ требованіями охраненія народнаго здравія, и подъ вліяніемъ этого фактора, согласіе паціента на вторженіе въ его правовую сферу должно получить совершенно особое освѣщеніе. Но изъ-за этихъ индивидуальныхъ особенностей не слѣдуетъ терять изъ виду общаго, руководящаго правоваго начала, заключающагося въ томъ,

что врачъ не долженъ своими врачебными средствами дѣйствія посягать на права личности паціента безъ его на то согласія, а вѣдь только съ этой принципіальной стороны и выдвигается вопросъ о значеніи согласія паціента по дѣлу Модлинскаго. Нужно полагать, что врачъ, который добросовѣстно проникнется убѣжденіемъ важности значенія для него согласія паціента на производство операціи, обыкновенно не встрѣтитъ особыхъ препятствій для исполненія своего врачебнаго долга. Не слѣдуетъ терять изъ виду, что согласіе паціента можетъ выразиться въ разнообразныхъ формахъ. Оно должно быть только непринужденно и разъ это условіе есть на-лицо, то не только словесно выраженное согласіе больного, но и конклюдентныя дѣйствія могутъ служить для врача показателемъ согласія больного. Въ трудныхъ, затруднительныхъ и неясныхъ случаяхъ дѣйствія врача будутъ находиться подъ защитою постановленій закона объ ошибкѣ и заблужденіи, какъ причины невмѣненія въ вину совершеннаго. Въ данномъ дѣлѣ судебная палата признала, что Модлинскій дѣйствовалъ безъ согласія Черновой и что въ состояніи послѣдней въ моментъ операціи не было данныхъ, оправдывавшихъ производство ея. Вмѣстѣ съ тѣмъ палата не установила, чтобы подсудимый встрѣтилъ какія-либо препятствія для полученія согласія Черновой или ея родителей. Судебная палата удостовѣряетъ, что подсудимый не только не испросилъ согласія, но что даже дѣйствія его не были вызваны жалобою на болѣзнь Черновой.

Въ отношеніи значенія согласія больного, кассаціонная жалоба дѣлаетъ еще другое замѣчаніе, что нѣтъ причинной связи между отсутствіемъ согласія Черновой и послѣдовавшей смертью ея. По мнѣнію защиты, для осужденія подсудимаго по 1468 ст. улож. нужно, для признанія его виновнымъ въ преступной неосторожности, чтобы было доказано, что смерть Черновой не послѣдовала-бы, если бы испрошено было согласіе ея на операцію. Защита полагаетъ, что причинная связь должна выразиться въ реальныхъ, физическихъ дѣйствіяхъ виновника а не въ психологическомъ моментѣ, каковымъ является моментъ согласія. Хозяинъ, пославшій прислугу въ лавку, не можетъ, полагаетъ защита, отвѣчать за смерть этой прислуги, если ее переѣдетъ конка.

Не подлежитъ сомнѣнію, что для примѣненія указанной статьи уложенія, требуется наличность причинной связи между дѣйствіями подсудимаго и послѣдовавшею смертью потерпѣвшей. Непреложно также, что для вмѣненія въ вину совершеннаго уголовный законъ

требуетъ установки не всѣхъ причинъ создавшихъ данное преступленіе, а только тѣхъ изъ нихъ, которыя стоятъ въ извѣстномъ отношеніи съ преступною волею, вслѣдствіе чего, за отсутствіемъ такого отношенія, хозяинъ раздавленной прислуги, въ приведенномъ примѣрѣ, и не можетъ быть обвиняемъ въ преступной неосторожноти. На почвѣ этого соотношенія, установляющіяся условія дѣйствія могутъ выразиться какъ въ формѣ положительной, активной, такъ и въ формѣ отрицательной, какъ упущеніе и бездѣйствіе. Условія дѣйствія, образующія причинную связь событія преступленія и преступной воли, могутъ выразиться и въ моментахъ невѣдѣнія и заблужденія виновника относительно нѣкоторыхъ условій его дѣйствія. Эти послѣдніе моменты, исключая вину умышленную, вполнѣ уживаются съ виною неосторожною, такъ какъ сущность послѣдней и заключается именно въ небрежности обнаруженныхъ виновникомъ въ отношеніи тѣхъ или иныхъ условій его дѣйствій. Ошибочно также предполагаетъ защита, что причинная связь, соединяющая преступное дѣйствіе съ его результатомъ, можетъ выразиться только въ моментахъ реальной, физической стороны дѣйствій, и не можетъ выразиться въ моментахъ психологическихъ или соціальныхъ. Машинистъ, безъ предупредительныхъ свистковъ подъѣзжающій къ станціи и причиняющій кому либо смерть, не можетъ оправдываться тѣмъ, что локомотивъ его былъ въ порядкѣ, и что онъ управлялъ имъ по всѣмъ правиламъ искусства. Онъ отвѣтитъ за неосторожное убійство потому, что небрежно отнесссяя къ безопасности частныхъ лицъ, къ обстановкѣ среди которой онъ дѣйствовалъ и къ условіямъ своего дѣйствія.

Вмѣняемая Модлинскому въ вину преступная неосторожность, повлекшая за собою смерть Черновой, относилась не къ физической сторонѣ его дѣйствій—къ оперативнымъ пріемамъ, а къ правовымъ интересамъ Черновой, къ юридической сторонѣ его дѣянія, къ закону. Изъ фактовъ, установленныхъ судебною палатою, приходится заключить, что подсудимый небрежно отнесся къ стоявшему на пути его дѣйствій вопросу о согласіи Черновой на операцію, что этимъ небрежнымъ своимъ отношеніемъ къ этому вопросу онъ неосторожно устранилъ одно изъ существенныхъ условій операціи—согласіе Черновой, и что не устрани онъ по небрежности это условіе—могло бы произойти одно изъ двухъ: или Чернова не согласилась бы на операцію или изъявила бы на нее согласіе. При запретѣ Черновой производить операцію, послѣдняя не могла бы найти мѣсто, а вмѣстѣ съ нею не произошла бы та смерть Черновой, которая по удостовѣренію судебной палаты, не подлежащей нашей провѣркѣ, находилась въ

связи съ операціею. При согласіи Черновой на операцію, дѣйствія Модлинскаго, по совершеніи ея, были бы правомѣрны и было бы слѣдовательно немыслимо предъявлять противъ него обвиненіе въ причиненіи неосторожной смерти Черновой, такъ какъ никакой неосторожности въ технической сторонѣ операціи онъ не проявлялъ. Въ обоихъ слѣдовательно случаяхъ, если бы Модлинскій не отнесся небрежно къ вопросу о согласіи Черновой, онъ не могъ бы быть привлеченнымъ къ уголовному суду, а изъ этого приходится заключить о томъ громадномъ значеніи, которое имѣетъ въ настоящемъ обвиненіи отсутствіе согласія Черновой на операцію, совершенную Модлинскимъ.

Не ограничиваясь указаніемъ на отсутствіе состава преступленія во внѣшней сторонѣ преступнаго дѣянія, кассаціонная жалоба указываетъ еще, что нѣтъ элементовъ преступности и во внутренней сторонѣ дѣйствій Модлинскаго. Онъ только, по заявленію кассаціонной жалобы, увлекся въ исполненіи дѣла врача излишнею ревностью и, совершивъ сложную и трудную операцію для спасенія больной, обнаружилъ полное свое безкорыстіе.

При оцѣнкѣ этой части кассаціонной жалобы, не слѣдуетъ терять изъ виду, что подсудимый обвиняется въ совершеніи не умышленнаго. а только неосторожнаго преступленія, послѣднее же и не предполагаетъ наличности напряженной преступной воли. Сущность его выражается лишь въ недостаточной осмотрительности и небрежности, проявленной къ условіямъ преступнаго дѣйствія. Къ тому же добрые мотивы не въ состояніи восполнить недостатки правовыхъ основаній совершенія операціи Черновой. Они не могутъ служить источникомъ права врача на вторженіе въ правовую сферу паціента. Во что превратилась бы наша жизнь, если бы не правовой характеръ нашихъ дѣйствій, а добрыя, руководящія нами побужденія служили основаніемъ для установки нашихъ отношеній къ людямъ? По предположеніямъ поэта, и адъ будетъ вымощенъ добрыми намѣреніями. Къ тому же судъ не уполномоченъ закономъ обусловливать примѣненіе правовыхъ нормъ измѣнчивыми указаніями нравственнаго чувства отдѣльныхъ лицъ.

Признавая такимъ образомъ, что къ установленнымъ судебною палатою фактамъ правильно примѣненъ законъ о наказаніи, и что судебная палата, при изложеніи въ приговорѣ обстоятельствъ дѣла, не допустила указанныхъ въ кассаціонной жалобѣ противорѣчій и неясностей, оберъ-прокуроръ полагалъ оставить кассаціонную жалобу Модлинскаго безъ послѣдствій.

VI. Опредѣленіе уголовнаго кассаціоннаго департамента Прав. Сената.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА. Правительствующій Сенатъ слушалъ: жалобу защитника доктора медицины Петра Модлинскаго, присяжнаго повѣреннаго Ледницкаго, на приговоръ Московской судебной палаты, по обвиненію Модлинскаго по 1468 ст. улож. о наказ.

1 марта 1900 года въ лечебницу доктора медицины Модлинскаго въ Москвѣ, поступила на излеченіе крестьянская дѣвица Прасковья Чернова, 18 лѣтъ, съ опухолью на шеѣ, которая и была удалена въ тотъ же день оперативнымъ путемъ. При осмотрѣ больной докторъ Модлинскій усмотрѣлъ у нея опухоль въ области живота, подлежавшую, по мнѣнію Модлинскаго, немедленному удаленію, вслѣдствіе чего 5 марта надъ Черновою произведена была операція лапаратоміи, причемъ при отдѣленіи опухоли часть содержимаго излилась въ полость брюшины. Въ слѣдующіе дни послѣ операціи положеніе больной ухудшилось и явилось предположеніе, что у нея перетонитъ, или же механическое препятствіе къ проходимости кишекъ, вслѣдствіе чего рѣшено было приступить ко второй операціи лапаратоміи, которая и была произведена 9 марта; причемъ обнаружилось, что у Черновой гнойцый перитонитъ, и въ 7 часовъ утра на 10 марта она умерла при явленіяхъ упадка дѣятельности сердца. Вслѣдствіе заявленія отца Черновой, что операція надъ его дочерью произведена безъ согласія какъ его, такъ и его жены, и что смерть Черновой послѣдовала, какъ надо предполагать, отъ неправильно сдѣланной операціи, возбуждено было предварительное слѣдствіе, къ которому докторъ Петръ Модлинскій привлеченъ былъ въ качествѣ обвиняемаго въ преступленіи, предусмотрѣнномъ въ 1468 ст. улож. о наказ., а затѣмъ преданъ суду по обвиненію въ томъ, что, опредѣливъ у бывшей у него на излеченіи крестьянки Черновой кистозную опухоль въ области живота, зная, что операція чревосѣченія и извлечія этой опухоли представляетъ опасность для жизни больной, и не будучи вынужденъ обстоятельствами къ немедленному производству этой операціи, онъ Модлинскій, безъ согласія больной или ея родителей самовольно приведя Чернову въ безсознательное состояніе посредствомъ хлороформа, произвелъ означенную операцію,

вслѣдствіе которой Чернова умерла. Московскій окружный судъ, разсмотрѣвъ это дѣло, призналъ Модлинскаго виновнымъ по означенному обвиненію и приговорилъ его, на основаніи 142 и 28 ст. уст. о нак. и 1466 ст. улож. о нак., къ аресту при тюрьмѣ на семь дней и церковному покаянію. Московская судебная палата, въ которую дѣло это перешло по апелляціонному отзыву Модлинскаго, нашла: 1) что смерть Черновой причинилась, судя по общему смыслу заключеній экспертовъ врачей и Медицинскаго совѣта, отъ произведенной докторомъ Модлинскимъ операціи чревосѣченія; 2) что хотя такая операція и не воспрещена закономъ и нельзя было съ положительною вѣроятностью ожидать вредныхъ отъ нея послѣдствій, однакоже представлялась завѣдомо для Модлинскаго опасною для жизни Черновой и невызывалась въ то время, по состоянію больной безусловно необходимостью, и 3) что на производство такой опасной операціи, дающей весьма значительный прецентъ смертности, Модлинскій не только не испросилъ согласія Черновой или ея родителей, но и не былъ вызванъ жалобами первой или приглашеніемъ вторыхъ. Признавая въ виду этого дѣяніе Модлинскаго явно неосторожнымъ, причинившимъ смерть, Черновой, судебная палата нашла, что оно по признакамъ своимъ составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное въ 1468 ст. улож. о нак., на основаніи которой, а равно 110 и 149 ст. улож. о нак., приговорила Модлинскаго къ строгому выговору въ присутствіи суда и церковному покаянію по распоряженію его духовнаго начальства. На этотъ приговоръ защитникъ Модлинскаго, присяжный повѣренный Ледницкій, подалъ кассаціонную жалобу, въ которой указываетъ на неправильное примѣненіе статьи 1468 улож. о нак. и нарушеніе судебною палатою 797 и 892 ст. уст. угол. суд., выразившееся въ томъ что ссылаясь на заключенія экспертовъ врачей и мнѣніе медицинскаго департамента, палата обошла полнымъ молчаніемъ установленное этими судебными доказательствами серьезнѣйшее обстоятельство о показаніи къ оперецiи. Если бы палата обсудила силу и значеніе этого обстоятельства, то не могла бы обвинить врача въ томъ, что онъ произвелъ хотя не вызывавшуюся безусловной необходимостью, но ту операцію, которая признана показанной, т. е. подлежащей къ производству, конечно тогда, когда врачъ найдетъ наиболѣе цѣлесообразнымъ, и которую онъ находилъ безусловно необходимой. Далѣе, установивъ, что законъ не требуетъ согласія больнаго на производство операціи, палата затѣмъ ставитъ въ вину Модлинскому, что онъ не испросилъ согласія больной. Этимъ палата допустила явное противорѣчіе въ своихъ

разсужденіяхъ, вопреки 3 п. 797 ст. уст. угол. суд.. такъ какъ нельзя кого либо обвинять въ томъ, что онъ не сдѣлалъ того, чего законъ не требуетъ. Что же касается до неправильнаго примѣненія 1468 ст. улож. о нак., то, по мнѣнію жалобщика, въ дѣяніи Модлинскаго не заключается, и палатою не установлено, двухъ существенныхъ признаковъ означеннаго преступнаго дѣянія, а именно: явной неосторожности, выразившейся въ непринятіи мѣръ предосторожности при производствѣ закономъ не воспрещеннаго, и притомъ такого дѣянія, отъ коего нельзя было съ вѣроятностью ожидать вредныхъ послѣдствій, и чтобы послѣдствіемъ этой неосторожности была смерть. Въ виду этого защитникъ Модлинскаго проситъ или: отмѣнить преданіе Модлинскаго суду и состоявшійся о немъ приговоръ судебной палаты, за силою 1 ст. улож. о нак. и 1 ст. уст. угол. суд.; или же отмѣнивъ приговоръ палаты по нарушенію 1468 ст. улож. о нак., 797, 892 и 912 ст. уст. угол. суд., передать дѣло для новаго разсмотрѣнія въ другомъ составѣ присутствія Московской судебной палаты.

Выслушавъ заключеніе Оберъ-Прукурора и объясненіе защитника, Правительствующій Сенатъ находитъ, что статья 1468 улож. о нак. предусматриваетъ причиненіе смерти отъ дѣянія, хотя закономъ не воспрещеннаго, но явно неосторожнаго, то есть такого, при совершеніи коего виновникомъ онаго не было принято надлежащихъ мѣръ предосторожности, и это упущеніе повлекло за собою чью либо смерть. По силѣ 110 ст. улож. о нак., на которую сдѣлана ссылка въ означенной 1468 статьѣ, большая или меньшая строгость наказанія за преступленіе, учиненное безъ намѣренія, зависитъ отъ того, обязанъ ли былъ учинившій оное, по званію своему или обстоятельствамъ дѣла, дѣйствовать съ особою осмотрительностью. И въ тѣхъ случаяхъ, когда вредныя послѣдствія дѣянія не могли быть легко предвидѣны, или же, когда виновный увлекался излишнею, въ исполненіи возложенныхъ на него обязанностей, ревностью, статья 110 не освобождаетъ совершившаго неосторожное дѣяніе отъ отвѣтственности, а признаетъ эти обстоятельства лишь основаніемъ къ уменьшенію строгости слѣдующаго виновному наказанія. Московская судебная палата, находя, что совершенное докторомъ Модлинскимъ дѣяніе — операція чревосѣченія надъ крестьянской дѣвицей Черновой, послѣ которой она умерла, должно быть признано, по сопровождавшимъ оное обстоятельствамъ, явно неосторожнымъ, и что смерть Черновой причинилась именно отъ этой операціи, установила наличность слѣдующихъ со стороны Модлинскаго неосторожныхъ дѣйствій:

1, что онъ совершилъ операцію, хотя закономъ и не воспрещенную, но такую, которая завѣдомо для Модлинскаго представлялась опасною для жизни Черновой, какъ дающая весьма значительный процентъ смертности, и притомъ невызывавшуюся, по состоянію больной, безусловною и неотложною необходимостью; 2, что Модлинскій приступилъ къ такой операціи, не только не испросивъ согласія оперированной, или ея родителей, но и не будучи вызванъ къ тому жалобами первой, или приглашеніемъ вторыхъ; 3, что если бы операціи предшествовали переговоры съ больною или ея родителями, то Модлинскій имѣлъ бы большую возможность обсудить состояніе больной и, проникнувшись важностью и опасностью предпринимаемаго имъ дѣянія, въ отношеніи здоровья и жизни своей паціентки, въ случаѣ несогласія на операцію, воздержался бы отъ совершенія таковой. Защитникъ Модлинскаго, указывая на отсутствіе причинной связи между дѣяніемъ Модлинскаго и смертью Черновой, находитъ съ своей стороны: 1, что такъ какъ Модлинскій не обвинялся въ допущеніи врачебной ошибки, а напротивъ по дѣлу установлено, что онъ въ діагнозѣ болѣзни Черновой не ошибся, и произвелъ операцію, которая была показана, то есть подлежала производству, когда врачъ найдетъ это необходимымъ, и что притомъ самая операція произведена была правильно, то вопросъ о томъ: была ли эта операція, въ то время, когда Модлинскій предпринялъ ее, необходимой, не можетъ служить фактическимъ признакомъ преступленія, предусмотрѣннаго 1468 ст. улож., а относится всецѣло къ субъективному взгляду врача, не подлежащему провѣркѣ уголовнаго суда; 2, что законъ не требуетъ согласія больнаго на совершеніе операціи, а посему и нельзя ставить Модлинскому въ вину неиспрошеніе такого согласія, отсутствіе коего не можетъ имѣть никакого значенія съ точки зрѣнія явной неосторожности, наказуемой по 1468 ст. улож.; 3, что такъ какъ Чернова добровольно пришла въ лечебницу Модлинскаго, чувствуя потребность въ леченіи, то не она должна была указывать врачу, гдѣ и какъ ее лечить, а это всецѣло относилось къ обязанности послѣдняго и вытекало изъ того довѣрія, которое питаетъ къ нему законъ, давая ему право лечить другихъ; 4, что врачъ тогда только можетъ обвиняться въ неосторожномъ дѣяніи, когда это послѣднее выразилось не въ психологическомъ моментѣ сознанія врача, не проникшагося важностью и опасностью предпринимаемаго имъ дѣянія, а въ реальныхъ, физическихъ дѣйствіяхъ, по своему свойству являющихся неосторожными.

Сопоставляя эти указанія кассаціонной жалобы съ установлен-

ными судебною палатою и не подлежащими, за силою 5 ст. учр. суд. уст., кассаціонной повѣркѣ, обстоятельствами дѣла, а равно съ опредѣленіями закона, какъ объ обязанностяхъ врачей, такъ и признакахъ уголовно-наказуемой, явной неосторожности, Правительствующій Сенатъ находитъ необходимымъ остановиться прежде всего на разрѣшеніи вопроса о томъ, обязательно ли для врача, считающаго нужнымъ производство операціи, испросить на совершеніе оной согласіе больнаго, или близкихъ къ нему лицъ, имѣющихъ о немъ попеченіе, и если обязательно, то въ какой мѣрѣ отвѣтственъ предъ уголовнымъ закономъ врачъ, произведшій, неиспросивъ такого согласія, операцію, повлекшую за собою смерть больнаго. Въ статьяхъ врачебнаго устава, касающихся обязанностей врачей (т. XIII св. зак. изд. 1892 г. ст. 81, 690), обязанности эти опредѣляются, какъ долгъ врача быть готовымъ къ оказанію помощи, пособія, лицамъ, одержимымъ болѣзнями. Врачъ, не оставившій практики, обязанъ по приглашенію больныхъ являться для поданія помощи, а въ случаѣ неисполненія сего безъ особыхъ законныхъ къ тому препятствій, подвергается отвѣтственности по 872 ст. улож. о наказ. Такимъ образомъ, какъ общее правило, врачеваніе обусловливается обращеніемъ больнаго къ содѣйствію врача. Въ исключительныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ при эпидеміяхъ, угрожающихъ общественнымъ бѣдствіямъ, законъ предусматриваетъ необходимость, для борьбы съ этимъ бѣдствіемъ, безропотнаго повиновенія совѣтамъ и приказаніямъ врачей, но и въ этихъ случаяхъ повиновеніе не устанавливается какъ непремѣнная подлежащая безусловному исполненію обязанность, а лишь рекомендуется внушать населенію, чрезъ посредство священниковъ, о необходимости такого повиновенія (ст. 746). Въ виду такихъ указаній закона, дѣятельность врача слѣдуетъ признать какъ бы служебною въ отношеніи лицъ, обращающихся къ нему за помощью; обязанности подчиняться врачеванію для частнаго лица не существуетъ. Но затѣмъ, если больной, или близкіе къ нему люди, сознавъ необходимость врачебной помощи, обратились къ врачу, то слѣдуетъ ли изъ этого, что больной тѣмъ самымъ отдается въ полное распоряженіе врача для примѣненія всѣхъ тѣхъ способовъ леченія, которые врачъ признаетъ необходимыми и въ частности для совершенія, по его усмотрѣнію, всякихъ операцій надъ внѣшними и внутренними органами больнаго? Законъ придаетъ особую важность дѣятельности оператора, поелику безъ помощи его иногда никакія средства не въ состояніи не только исцѣлить, но и облечить болѣзни (ст. 81 ус. врачеб.). Въ соотвѣтствіи съ этимъ находится постановле-

ніе 82 статьи того же устава, о томъ, что операторъ, призванный къ больному, надъ которымъ нужно сдѣлать операцію, буде время и обстоятельства терпятъ, не долженъ совершать оную безъ совѣтовъ и присутствія другихъ врачей, а особливо при важныхъ случаяхъ. Такая заботливость закона, объ условіяхъ производства операцій, вызывается несомнѣнно исключительною важностью тѣхъ правъ и интересовъ личности, которые могутъ потерпѣть ущербъ при совершеніи операціи, такъ какъ всякая операція неизбѣжно соединяется съ нарушеніемъ тѣлесной неприкосновенности оперируемаго лица. Право на тѣлесную неприкосновенность, равно какъ и право на жизнь, есть естественное право каждаго человѣка, оберегаемое закономъ силою разнообразныхъ постановленій, въ томъ числѣ и относящихся къ области уголовнаго права.

Дѣятельность врача, хотя бы право на леченіе принадлежало исключительно лицамъ, получившимъ медицинское образованіе, подчиняется тѣмъ же правиламъ, которыя установлены для всякаго рода закономѣрной дѣятельности. Однимъ изъ этихъ основныхъ правилъ является то, что тѣлесная неприкосновенность личности не можетъ быть, безъ ея разрѣшенія, нарушаема въ ея существенныхъ функціяхъ, разумѣя подъ этимъ не причиненіе преходящей физической боли, или незначительное измѣненіе покрововъ тѣла, а таковое измѣненіе организма, которое грозитъ опасностью здоровью, утратою органа, или способности его функціонировать, или смертью. Если не существуетъ обязанности подчиняться врачеванію, то и не можетъ быть признано право врача осуществлять это врачеваніе, а въ томъ числѣ и оперативное воздѣйствіе на больнаго въ указанныхъ выше случаяхъ безъ выраженнаго въ той или другой формѣ, или хотя бы по достаточнымъ основаніямъ и предполагаемаго, согласія и разрѣшенія сего послѣдняго. Обращаясь къ врачебной помощи, больной не теряетъ права располагать своими личными, естественными правами и не поступаетъ въ полное распоряженіе врача, хотя бы и получившаго, въ силу его научныхъ познаній, привилегію на леченіе. Несомнѣнно, что могутъ встрѣтиться случаи, когда по состоянію личности больнаго, не владѣющаго сознаніемъ, и при отсутствіи въ данную минуту лицъ близкихъ къ больному, имѣющихъ о немъ попеченіе, явится препятствіе къ полученію согласія, тогда какъ операція, по убѣжденію врача, должна быть произведена для спасенія жизни больнаго. Въ такихъ случаяхъ врачъ можетъ, конечно, исходить изъ предположенія о наличности согласія. Возможны также случаи, когда такое согласіе должно быть подразумѣваемо, если, напримѣръ, при совершеніи

операціи, на которую было испрошено согласіе больнаго, врачъ убѣдится въ необходимости производства другой дополнительной операціи, надъ другимъ органомъ или въ другомъ объемѣ. Но всѣ такія исключенія не могутъ поколебать общаго руководящаго начала, что врачъ не долженъ своими врачебными средствами дѣйствія посягать на существенныя права личности паціента безъ его на то согласія. Это руководящее начало выражено и въ заключеніи, данномъ по настоящему дѣлу высшимъ медицинскимъ установленіемъ въ Имперіи, медицинскимъ совѣтомъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, признавшимъ, что согласіе больной или ея родителей на производство операціи, слѣдуетъ считать обязательнымъ. Въ виду всего этого, испрошеніе согласія на совершеніе операціи, могущей грозить опасностью жизни или утратою важнаго органа тѣла должно быть разсматриваемо какъ подлежащее непремѣнному исполненію со стороны врача, развѣ только этому не будутъ препятствовать какія либо исключительныя условія, въ коихъ находится личность больнаго въ моментъ приступа къ безусловно необходимой для спасенія его жизни операціи. Но на такія исключительныя условія въ настоящемъ дѣлѣ нѣтъ никакихъ указаній, такъ какъ судебная палата, признавая, что операція была произведена Модлинскимъ не только безъ испрошенія согласія Черновой, или ея родителей, но и не вызывалась жалобою на такого рода болѣзнь со стороны Черновой, не установила вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы подсудимый встрѣтилъ какія либо препятствія для полученія согласія. При такой обстановкѣ неиспрошеніе Модлинскимъ согласія Черновой несомнѣнно является признакомъ явной небрежности, обнаруженной имъ въ отношеніи такого условія его врачебной дѣятельности, которое было для него обязательно и несоблюденіе коего, въ виду послѣдовавшей смерти Черновой, придаетъ его дѣйствіямъ характеръ уголовно-наказуемой неосторожности. Вполнѣ правильно признана затѣмъ палатою наличность явной неосторожности и въ томъ, установленномъ палатою, условіи производства операціи, что таковая, завѣдомо для Модлинскаго, представлялась опасною для жизни Черновой, какъ дающая весьма значительный процентъ смерности, и не вызывалась въ то время, по состоянію больной, безусловною необходимостью. То обстоятельство, что операція эта была, съ медицинской точки зрѣнія, при наличности правильно опредѣленной болѣзни Черновой, показана, и что самая операція произведена съ технической стороны вполнѣ правильно, не устраняетъ отвѣтственности Модлинскаго въ томъ, что приступая къ операціи онъ не принялъ во вниманіе указанное выше постановленіе 82 ст. врачеб. устава и не соблюлъ тѣхъ мѣръ

предосторожности, которыя, съ точки зрѣнія закона, представляются необходимыми для огражденія здоровья и жизни больнаго. Если, какъ указываетъ кассаціонная жалоба, онъ не руководился никакими корыстными пробужденіями, а увлекся излишнею ревностью въ исполненіи долга, то это, согласно 110 ст. улож. о нак., можетъ лишь служить основаніемъ къ смягченію для него строгости опредѣленнаго по закону наказанія, какъ это и принято во вниманіе судебною палатою при постановленіи приговора. Нельзя наконецъ, въ заключеніе, признать правильнымъ и указаніе жалобщика, что по статьѣ 1468 улож. можетъ быть наказуема лишь такая неосторожность со стороны врача при производствѣ операціи, которая выразилась въ реальныхъ физическихъ дѣйствіяхъ, по своему свойству являющихся неосторожными. Уголовно наказуемая неосторожность можетъ выразиться не только въ формѣ положительной, активной, но и отрицательной, какъ упущеніе и бездѣйствіе. Съ этой точки зрѣнія, и въ примѣненіи къ врачу, достаточно установить, что онъ небрежно отнесся къ безопасности и правовымъ интересамъ больнаго, а также и къ тѣмъ условіямъ своихъ дѣйствій, безъ соблюденія коихъ дѣйствія эти теряютъ характеръ закономѣрности. А такъ какъ, затѣмъ, палатою установлена, по обстоятельствамъ дѣла, не подлежащимъ кассаціонной повѣркѣ, причинная связь между дѣйствіями Модлинскаго и смертію Черновой, то и примѣненіе къ нему 1468 ст. улож. о нак. представляется вполнѣ правильнымъ и согласнымъ съ точнымъ смысломъ сего закона. Въ виду изложеннаго, указанія жалобщика на нарушеніе судебною палатою 797 и 892 ст. у. у. с., допущеніемъ противорѣчія въ ея соображеніяхъ и необсужденіемъ въ совокупности всѣхъ данныхъ дѣла, лишены всякаго значенія. По симъ соображеніямъ, не усматривая въ приговорѣ Московской судебной палаты по дѣлу Модлинскаго нарушенія 797 и 892 ст. у. у. с., а равно неправильнаго примѣненія 1468 ст. улож. о нак., Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: жалобу защитника Модлинскаго оставить безъ послѣдствій, за силою 912 ст. уст. угол. суд.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Уголовная отвѣтственность хирурговъ.

Н. С. Таганцева.

Вопросъ объ основаніяхъ, условіяхъ и объемѣ врачебной практики, съ точки зрѣнія уголовнаго закона, въ особенности въ послѣднее время, послѣ извѣстнаго процесса дрезденскаго врача въ 1894 году, вызвалъ и оживленные споры среди медиковъ и юристовъ и обширную литературу [1]). Наиболѣе простое рѣшеніе вопроса, особенно соблазнительное для неюристовъ, но находящее защитниковъ и между ними, признаетъ весь вопросъ празднымъ, такъ сказать, измышленіемъ криминалистовъ, въ виду того, что, начиная съ Гиппократа, непреложно установилось положеніе, что врачъ лѣчитъ, а не причиняетъ вреда и тогда, когда прибѣгаетъ къ желѣзу или огню, и что лѣчебныя дѣйствія, причиняющія паціенту страданія, поврежденіе или потерю органа тѣла, даже самую смерть, не могутъ быть подводимы ни подъ тѣлесныя поврежденія, ни подъ понятіе лишенія жизни [2]). Врачъ, говоритъ Геймбергеръ (стр. 45), ампутируя какой-нибудь зараженный органъ тѣла, производитъ рядъ патологическихъ измѣненій въ больномъ, но въ результатѣ получается сохраненіе здоровья и жизни. Признавать причиненія врачемъ тѣлесныхъ страданій паціенту—тѣлесными поврежденіями, значитъ, признать почти всякую дѣятельность врача непрерывнымъ причиненіемъ поврежденія здоровью, а врачебное дѣйствіе, направленное къ возстановленію здоровья, не можетъ быть почитаемо его поврежденіемъ. Но такая постановка и теоретически весьма спорна, и практически малопригодна. Нѣтъ сомнѣнія, что дѣйствія, направленныя къ удаленію изъ организма предметовъ или процессовъ, ему вредящихъ, уничтоженіе условій, способствующихъ его разрушенію, или направленныя къ возстановленію разстроенныхъ функцій, уничтоженію или облегченію страданій и т. д.,—составляютъ врачеваніе, которое можетъ

---

[1]) Oppenheim, Das ärztliche Recht zu körperlichen Eingriffen an Kranken und Gesunden, 1902; Dietrich, Die Straflosigkeit ärztlicher Eingriff. 1896; C. Stoos, Chirurgische Operation und ärztliche Behandluug. 1898; подробный разборъ его взглядовъ сдѣланъ Фингеромъ въ L. Z. XX. стр. 12 и сл.; I. Heimberger, Strafrecht und Medicin, 1896; Lilienthal, die pflichtmässige ärztliche Handlung und das Strafrecht, 1899.

2) Quod medicamentum non sanat, ferrum sanat, quod ferrum non sanat ignis sanat. За это положеніе высказываются Stoos, Heimberger, комментаторы германскаго уложенія—Франкъ, Ольсгаузенъ и др.

быть удачно или неудачно, дозволено или не дозволено, но которое само по себѣ не можетъ быть подводимо подъ преступное посягательство на тѣлесную неприкосновенность; но о такомъ подведеніи не возникаетъ и вопроса. Не было еще примѣровъ уголовнаго преслѣдованія за употребленіе медикомъ, по отношенію къ обратившемуся къ его помощи паціенту, лѣкарствъ или хирургическихъ пріемовъ, какъ за истязанія и мученія. Вопросъ ставится иначе: подходятъ ли причиненіе, посредствомъ примѣненія средствъ врачеванія, смерти паціенту, лишеніе его врачующимъ какого-нибудь органа тѣла, причиненіе ему раны и т. п., подъ соотвѣтственныя понятія тѣлесныхъ поврежденій или подъ лишеніе жизни? Сторонники разбираемаго мнѣнія категорически говорятъ, что нѣтъ, но почему?

Если въ чьемъ-либо носу, безъ вѣдома его хозяина, помѣстился полипъ, или на немъ, по винѣ владѣльца, образовалась опасная, заразная язва, то тѣмъ не менѣе этотъ больной носъ остается органомъ тѣла, и отнятіе его будетъ увѣчьемъ или обезображеніемъ лица. Даже если этотъ носъ или другой органъ пораженъ настолько, что утратилъ способность функціонировать, то можно спорить о томъ, можетъ ли онъ считаться органомъ тѣла, но онъ, несомнѣнно, остается частью тѣла, и посягательство на него со стороны объективной безусловно подойдетъ подъ понятіе тѣлеснаго поврежденія. Значитъ, различіе заключается въ сторонѣ субъективной? Но мы знаемъ, что для общаго понятія виновности необходимо, чтобы виновный сознавалъ то, что онъ дѣлалъ, и руководствовался сознаннымъ, или безразлично относился къ предполагаемому возможнымъ результату его дѣйствій. Но едва ли можно сомнѣваться, что хирургъ, ампутирующій зараженную руку или ногу, сознательно направляетъ свои дѣйствія именно къ произведенію этого послѣдствія. Значитъ, такое рѣшеніе вопроса неудовлетворительно, и надо искать другихъ основаній для признанія такой врачебной практики не только ненаказуемой, но и непреступною [1]). Такихъ основаній представляется нѣсколько. Первое и несомнѣнно весьма существенное—это согласіе пострадавшаго. Больной, обращаясь къ врачу за помощью отъ извѣстной болѣзни, согласившись на извѣстную операцію, конечно, не можетъ претендовать на тѣ страданія, которыя онъ затѣмъ испыталъ, на происшедшее искаженіе; просящій вырвать зубъ не можетъ расчи-

[1]) Нельзя не обратить вниманія, что Heimberger, не считающій возможнымъ признать въ дѣйствіяхъ врача наличности тѣлесныхъ поврежденій, совершенно неожиданно (стр. 55 и сл.) подводитъ тѣ изъ нихъ, которыя были предприняты безъ согласія больного, подъ понятіе посягательствъ на свободу.

тывать на то, что онъ при этомъ будетъ испытывать неземное блаженство; согласившійся на ампутированіе глаза или носа не можетъ претендовать на то, что красота его испорчена. Но какъ ни важно условіе согласія, оно не разрѣшаетъ вполнѣ всѣ случаи этого рода. Не говоря уже о производствѣ операцій надъ психически больными, дѣтьми, какъ будетъ требовать врачъ изъявленія согласія отъ находящагося въ состояніи безсознательности, если операція представляется немедленно необходимою? Кромѣ того, нельзя забывать тѣ, указанныя ранѣе, юридическія условія, при которыхъ согласіе устраняетъ преступность. Во-1-хъ, всѣ законодательства, а въ томъ числѣ и наше, считаютъ наказуемымъ лишеніе жизни съ согласія потерпѣвшаго. Какъ же смотрѣть на предпринятую врачемъ операцію со смертельнымъ исходомъ, когда при самомъ приступѣ къ таковой, врачъ считалъ благополучный исходъ маловѣроятнымъ, хотя и возможнымъ? А какъ будетъ рѣшаться вопросъ тамъ, гдѣ согласіе не устраняетъ наказуемости и тяжкихъ тѣлесныхъ поврежденій? Далѣе, согласіе должно быть опредѣлено по отношенію къ отчуждаемому благу и должно предшествовать посягательству, но въ какомъ положеніи будетъ врачъ, который, чтобы не лишить больного мужества, необходимаго для успѣха операціи, скроетъ отъ него нѣкоторыя подробности, или послѣдствія, неизбѣжныя даже при благопріятномъ исходѣ? Можетъ ли врачъ прекратить операцію, необходимую по ходу болѣзни, когда паціентъ, подъ вліяніемъ физической боли, происходящей отъ операціи, требуетъ ея прекращенія? Можетъ ли врачъ приступить къ операціи покушавшагося на самоубійство, имѣя основаніе предполагать, что тотъ, по оживленіи, заявитъ полное несочувствіе его успѣшнымъ дѣйствіямъ? Особенно важно установленіе момента согласія при преступленіяхъ публичныхъ, при которыхъ позднѣйшее прощеніе учинившаго, даже выраженіе ему признательности, не устраняетъ возможности привлеченія учинившаго къ отвѣтственности прокурорскимъ надзоромъ, а таковы тяжкія тѣлесныя поврежденія.

Такимъ образомъ, согласіе больного не представляется единственнымъ и исключительнымъ основаніемъ непреступности дѣйствій врача. Въ дополненіе къ этому условію указываютъ и на другія: врачебную цѣль дѣятельности и соотвѣтствіе дѣятельности обязанностямъ званія. Если первое условіе, значительно расширяя объемъ лицъ, дѣйствія коихъ признаются непреступными, является и по существу своему неопредѣленнымъ [1]), то второе, господствующее въ

[1]) Такъ, Oppenheim видитъ основаніе безнаказанности не въ исполненіи обязанностей профессіи, а въ медицинской цѣли дѣйствія, кѣмъ бы

литературѣ [2]), представляется и мнѣ наиболѣе удовлетворительнымъ. Если лѣчебное дѣйствіе вызывалось состояніемъ больного, соотвѣтствовало тому, что разумный врачъ могъ, сообразно требованіямъ медицины, предпринять для борьбы съ болѣзнію и для блага больного, оно не можетъ почитаться преступнымъ, хотя бы согласіе паціента на это дѣйствіе и могло быть установляемо лишь предположительно; и лишь въ случаяхъ трудныхъ операцій, лишающихъ органа или способности его функціонировать, или грозящихъ опасностью его жизни, врачъ, сообразно требованіямъ врачебной этики, долженъ сообщать больному или лицамъ, ему близкимъ, о предполагаемыхъ имъ средствахъ лѣченія и о возможномъ исходѣ операціи, такъ какъ больной можетъ иногда предпочесть вѣроятную смерть въ будущемъ—мучительной и тяжкой операціи. При такой постановкѣ вопроса, думается мнѣ, будутъ ограждены: врачъ—отъ неожиданнаго уголовнаго процесса и больной—отъ излишней самоувѣренности врача. Само собою разумѣется, что этою безнаказанностью профессіональной дѣятельности и даже съ согласія больного не устраняется отвѣтственность за небрежность, а тѣмъ болѣе за сознательную неправильность врачеванія [3]).

Подъ эту категорію подводятся и случаи совершенія врачемъ перфораціи при невозможности естественнаго родоразрѣшенія или цесарскаго сѣченія. Родильница, потребовавшая перфораціи, можетъ ссылаться на состояніе крайней необходимости, а врачъ—на исполненіе обязанностей званія. При этомъ такая оправдательная ссылка вполнѣ возможна не только въ тѣхъ случаяхъ, когда перфорація предпринята при согласіи матери, безъ согласія отца перфорированнаго ребенка, но, думается мнѣ, даже и безъ прямого согласія родильницы, какъ скоро врачъ докажетъ, что эта операція являлась неизбѣжною для того, чтобы изъ двухъ неминуемыхъ смертей и матери, и ребенка, устранить, по крайней мѣрѣ одну—матери.

таковое ни предпринималось, насколько это дозволяется обычаями. Къ такимъ случаямъ онъ относитъ (стр. 20 и сл.) и дѣйствія, предпринятыя съ лѣчебною цѣлью: для спасенія жизни, для уменьшенія страданій, для предупрежденія болѣзней, для исправленія тѣлесныхъ недостатковъ, даже для врачебнаго опыта. Но можно ли признать безнаказаннымъ всякаго знахаря, шарлатана, даже самомнительнаго врача, уморившаго больного, безъ его на то согласія, въ видѣ опыта? Heimberger, стр. 38, опредѣляетъ врачебное дѣйствіе, какъ всякое примѣненіе врачемъ или не врачемъ, съ цѣлью врачеванія, внутренняго или внѣшняго средства. На цѣль обращаетъ главное вниманіе и Лиліенталь.

[2]) Г. Мейеръ, Листъ, Гейеръ, Бернеръ, Биндингъ, Меркель и др.

[3]) Heimberger, Ueber die Straflosigkeit der Perforation.

II.

Рѣшенiе германскаго имперскаго суда (Reichsgericht'a) отъ 31 Мая 1894 года.

13 Iюня 1893 г. страдающая туберкулезнымъ пораженiемъ костей ноги семилѣтняя дочь хозяина гостинницы К. приведена была въ госпиталь его женой, послѣ того какъ врачъ, пользовавшiй ранѣе ребенка, заявилъ о необходимости операцiи. 23 iюня 1893 г. старшiй врачъ этого госпиталя пытался задержать развитие болѣзни резекцiей костей ноги, но безуспѣшно. Дальнѣйшее распространенiе туберкулезнаго зараженiя, по мнѣнiю свѣдущихъ лицъ, угрожало «хронической болѣзненностью» ребенка и «окончательно смертью». Затѣмъ 28 iюля 1893 г. въ госпиталѣ замѣняющимъ старшаго врача лицомъ сдѣлана была ребенку ампутацiя ноги. Въ этотъ перiодъ времени между обвиняемымъ, старшимъ врачемъ госпиталя, и отцомъ пацiентки, содержателемъ гостинницы К., происходили по поводу операцiи переговоры, изъ коихъ обнаружилось, что К., сторонникъ лѣченiя природой, принципiальный врагъ хирургiи, заявилъ лично обвиняемому уже 20 или 21 iюня 1893 г., что онъ согласенъ идти навстрѣчу всякой опасности, лишь бы его ребенокъ не былъ калѣкой, и что онъ противится какой бы то ни было операцiи. Обвиняемый утверждаетъ, что онъ съ своей стороны изъ этого разговора вынесъ такое впечатлѣнiе, будто, вслѣдствiе его доводовъ, К. въ концѣ концовъ согласился на ампутацiю. Затѣмъ 22 iюня К. явился снова въ больницу, говорилъ тамъ только со служащей сестрой С. и повторилъ ей «ясно и опредѣленно», что онъ не разрѣшаетъ предполагаемой операцiи. Хотя С. передала въ тотъ же день это вторичное запрещенiе отца обвиняемому, сей послѣднiй, однако, этого не помнитъ. Непосредственно передъ началомъ резекцiи 23 iюня 1893 г., К. явился въ третiй разъ въ больницу, чтобы уже отнять своего ребенка. Сестра О., къ которой обратился по этому предмету К., тотчасъ передала это заявленiе обвиняемому, сказавъ: «отецъ находится здѣсь и желаетъ взять ребенка». Обвиняемый на это отвѣтилъ: «теперь уже поздно, я потомъ поговорю съ отцомъ»—(пацiентка тогда лежала приготовленная къ операцiи, въ наркозѣ), и приступилъ къ резекцiи. Послѣ ампутацiи ноги туберкулезныя явленiя уже не возобновлялись, силы прибавились, и ребенокъ до сихъ поръ развивался далѣе нормально. Обжалованнымъ приговоромъ подсудимый, обвинявшiйся въ тѣлесномъ поврежденiи по §§ 223, 223—а уголов. улож., оправданъ вслѣдствiе двоякаго рода соображенiй. Разъ объективно установлено

то юридическое положеніе, что причиненныя дочери К. операціею резекціи костей ноги тѣлесныя поврежденія (Körperverletzungen) не могутъ быть разсматриваемы ни какъ поврежденія здоровья (Gesundheitsschädigungen), ни какъ истязанія (Misshandlungen) въ смыслѣ § 223 угол. улож., такъ какъ здоровье паціентки вслѣдствіе операціи не ухудшилось, а улучшилось, и что было бы противорѣчіемъ признавать истязаніями цѣлесообразное, разумное, даже необходимое обхожденіе въ видѣ оперативныхъ дѣйствій, то въ данномъ случаѣ безразлично, оперировалъ ли обвиняемый находящагося подъ властью отца малолѣтняго ребенка съ согласія или противъ воли отца. Далѣе, низшей инстанціей условно признается, что хотя обвиняемый, приступая къ операціи, зналъ, что отецъ ребенка не желаетъ ея, но что онъ былъ увѣренъ въ томъ, что ему удастся позднѣе склонить въ пользу своего мнѣнія отца, волю котораго онъ находилъ неразумной, вредной для ребенка и потому несерьезной. Поэтому недостаетъ какъ объективной, такъ и субъективной противозаконности. Эти соображенія низшей инстанціи не могутъ служить основаніемъ къ оправданію обвиняемаго. Прежде всего, ошибочно не усматривать, какъ то сдѣлала низшая инстанція, въ хирургическихъ покушеніяхъ на цѣлость человѣческаго тѣла и его членовъ объективнаго характера «истязаній», подходящихъ подъ § 223 угол. улож., потому лишь, что въ обычномъ языкѣ подъ «истязаніемъ» понимается исключительно дѣйствіе неумѣстное, дурное или вредное, никогда разумное и цѣлесообразное. Когда, вмѣсто болѣе казуистичнаго изложенія § 187 прусскаго уголовнаго кодекса: «кто умышленно толкнетъ или ударитъ другого, или причинитъ ему другое истязаніе или поврежденіе тѣла», была принята нынѣшняя формулировка § 223 угол. улож.: «кто умышленно тѣлесно истязуетъ другого (misshandelt) или повредитъ его здоровье», то этимъ предполагалось расширить понятіе «тѣлесныя поврежденія», подводя подъ него всѣ непосредственно и физически причиненныя организму пораженія (Verletzungen). Въ виду § 224 угол. улож. не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что сюда слѣдуетъ причислить и уродующія поврежденія какъ то: болѣе важныя поврежденія субстанціи, потеря отдѣльныхъ членовъ и т. под. Ст. 223 угол. улож. предполагаетъ, конечно, дѣйствіе противозаконное, изъ чего слѣдуетъ, что поврежденіе, причиненное непротивозаконно, не наказуемо. Нельзя однако «непротивозаконность» усматривать въ томъ, что цѣль или слѣдствіе поврежденія оказались цѣлебными для потерпѣвшаго и разумными. Объективно противозаконнымъ является каждое дѣйствіе, противное нормѣ, если дѣйствующему лицу не принадле-

жить самостоятельнаго права, ограничивающаго норму. Если данное лицо, по собственному убѣжденію, или по убѣжденію своихъ товарищей по профессіи, полагаетъ, что оно лучше понимаетъ интересы своего ближняго, чѣмъ самъ этотъ ближній, и умѣло примѣненными средствами лучше можетъ достигнуть тѣлеснаго или духовнаго блага своего ближняго, чѣмъ самъ онъ, то этому лицу все таки неприсуща компетенція вторгаться по собственному усмотрѣнію въ правовую сферу другого лица и причинять ему насиліе и произвольно сдѣлать его тѣло предметомъ благонамѣренныхъ лечебныхъ опытовъ. Абсурдность такого подчиненія особенно бросается въ глаза, если принять во вниманіе, что основываніемъ права на разумности цѣли возводится въ факторъ, создающій права и нормы,—субъективная воля, чисто субъективная увѣренность отдѣльнаго лица въ своей способности, умѣніи дѣлать добро. Право, признаваемое низшей инстанціей за каждымъ врачемъ по отношенію къ каждому больному, должно бы быть признано съ одинаковой логической необходимостью за всякимъ, кто считаетъ себя способнымъ лечить по отношенію ко всякому, кого онъ считаетъ больнымъ. При такомъ разсужденіи остается неяснымъ, почему, напримѣръ, не разрѣшить также священнику, заботящемуся о благѣ души,—того, что должно быть дозволено врачу въ цѣляхъ исцѣленія тѣла, и отчего разумно-гуманная цѣль способна изъять изъ числа проступковъ только тѣлесныя поврежденія, а не лишенія свободы, принужденіе, поврежденіе вещей, нарушеніе домашняго спокойствія и многіе подобные проступки. Не менѣе трудностей представляютъ конфликты, которые возникнутъ на почвѣ правовыхъ понятій, высказанныхъ низшей инстанціей, когда нѣсколько врачей изберутъ одного и того же паціента предметомъ своихъ лечебныхъ дѣйствій, одинаково раціональныхъ и различающихся лишь по методу, и когда придется рѣшить, кому изъ врачей принадлежитъ преимущественное «право». Совершенно непригоднымъ для уголовнаго права является желаніе судить по случайностямъ успѣха, по послѣдствіямъ дѣянія, ожидаемымъ въ неопредѣленномъ будущемъ, о томъ, составляетъ ли проступокъ или нѣтъ дѣяніе, заключающее въ себѣ всѣ законные признаки § 223 угол. улож. Сдѣланная по этому случаю доктриной попытка признать профессіальное право врача вообще или признать его самостоятельной основой какихъ-либо правъ, принадлежащихъ врачу по отношенію къ тѣлу больного, несостоятельна и сама по себѣ, и какъ руководящее положеніе для разрѣшенія возникающихъ здѣсь вопросовъ. Въ дѣйствующемъ нынѣ германскомъ публичномъ правѣ врачеваніе является свободнымъ ремесломъ, которое открыто всякому

независимо отъ его познаній, образованія, опытности, ловкости, *утвержденія. Призваніе* принадлежитъ всякому, кто себѣ приписываетъ такое призваніе. Съ тѣхъ поръ, какъ германскимъ ремесленнымъ положеніемъ устранены послѣдніе остатки публично правовыхъ обязанностей, возлагавшихся на врачей, одинаково нельзя говорить о какихъ-либо правахъ, проистекающихъ изъ свободной профессіи. «Утвержденіе», согласно § 29 ремесленнаго положенія, даетъ право именоваться «врачемъ» и т. п. и создаетъ извѣстную квалификацію для того, чтобы лицу ввѣрялись служебныя функціи. Въ остальномъ же утвержденный врачъ ничѣмъ не отличается отъ неутвержденнаго въ области профессіональныхъ правъ и обязанностей. Во всякомъ случаѣ нельзя усмотрѣть, какимъ образомъ такъ назыв. «утвержденіе» могло бы явиться само по себѣ источникомъ конкретнаго правоваго отношенія между врачемъ А. и паціентомъ Б., и какимъ образомъ, среди многочисленныхъ «утвержденныхъ» врачей, именно данному врачу будто предоставлено господство надъ даннымъ паціентомъ. Было бы страннымъ, охотно предоставляя каждому молодому хирургу привиллегію безнаказанности за его хирургическіе опыты, если онъ выдержалъ экзаменъ и утвержденъ германскими властями, отказывать въ ней вызванному изъ-заграницы опытному оператору лишь потому, что ему недостаетъ «утвержденія» германскаго закона. Впрочемъ, и сторонники самостоятельныхъ профессіональныхъ правъ врача не могутъ отрицать, что во всякомъ случаѣ эти права находятъ себѣ границы въ противопоставляемой имъ волѣ дѣеспособнаго больного, его близкихъ, или какихъ-либо представителей ихъ правъ. Но если необходимо принять это ограниченіе, то въ немъ и заключается признаніе: 1) того, что не профессіональное право врача, а, прежде всего, воля больного даетъ ему законное основаніе безнаказанно производить тѣлесныя поврежденія тамъ, гдѣ они, совершенныя третьимъ лицомъ, стали бы наказуемымъ проступкомъ, и 2) того, что сама по себѣ профессія врача, съ ней связанныя обладаніе наукой и знаніемъ дѣла, опытность и ловкость, утвержденіе правительствомъ, служатъ къ тому, чтобы дать *волѣ*, призывающей врача къ кровати больного, разумное, достойное выраженіе. Правовыя прерогативы врача по отношенію къ его паціенту происходятъ основнымъ и существеннымъ образомъ отъ призыва, основаннаго на волѣ частнаго лица, а не отъ самого по себѣ профессіональнаго призванія. Въ отношеніяхъ между врачемъ и паціентомъ въ сферѣ какъ гражданскаго, такъ и уголовнаго права, слѣдуетъ во всякомъ случаѣ признавать исходной точкой существующее между двумя лицами соглашеніе. Будетъ ли

это названо порученіемъ, полномочіемъ, наймомъ услугъ, условіемъ о работѣ, или иначе, во всякомъ случаѣ, воля больного или лицъ ему близкихъ и законныхъ представителей призываетъ даннаго врача принять на себя пользованіе даннаго больного. По правилу, пока такая воля не выразилась, между обѣими категоріями лицъ, не существуетъ никакихъ юридическихъ отношеній. Разъ это твердо установлено, то изъ этого само собою вытекаетъ, что содержаніе и объемъ предоставленныхъ такимъ образомъ врачу правъ къ примѣненію всѣхъ средствъ его искусства должны регулироваться правовой волей больного. Конечно, врачъ въ правѣ предполагать, что больной или представители его воли, которые, довѣряясь его искусству, поручили ему пользованіе больного, вслѣдствіе этого подчинятся и его совѣту, послѣдуютъ его указаніямъ, и что имъ понравятся его лечебныя средства, и что вслѣдствіе этого при всѣхъ его вторженіяхъ въ организмъ больного его будетъ сопровождать согласіе больного. На почвѣ такихъ фактическихъ предположеній, для воплощенія разумной воли участвующихъ лицъ, признанное государствомъ или вообще утвержденное призваніе врача будетъ, безъ сомнѣнія, полно значенія. Конечно, исключительные случаи, въ которыхъ по причинѣ безсознательности, душевной болѣзни, невмѣняемости паціента, или при опасности въ случаѣ опозданія, вслѣдствіе отсутствія представителей больного, нельзя получить ясно выраженнаго изъявленія воли подлежащихъ лицъ, или когда выраженіе воли больного или его близкихъ звучитъ нетвердо, колеблется—даютъ пользующему врачу просторъ къ добросовѣстнымъ и основательнымъ предположеніямъ о томъ, что онъ заручёнъ въ данное время согласіемъ участвующихъ лицъ. Но такъ какъ дѣеспособный больной, призывая врача для исцѣленія своего страданія, конечно, не далъ ему неограниченнаго господства надъ своей личностью, то у врача можетъ всегда быть отнято порученіе лѣчить, одинъ врачъ можетъ быть замѣненъ другимъ, и тотъ же больной, конечно, вправѣ выразить юридически дѣйствительный протестъ противъ каждаго отдѣльнаго лѣчебнаго средства, будутъ ли это внутреннія лѣкарства или оперативныя дѣйствія, и съ моментомъ такого протеста дѣеспособнаго больного или законныхъ представителей его воли прекращается право врача пользовать данное лицо и причинять ему поврежденія съ лѣчебною цѣлью. Поэтому врачъ, который умышленно причиняетъ съ лѣчебною цѣлью поврежденія тѣла, не будучи въ состояніи обосновать свое право на это существующимъ договорнымъ отношеніемъ или предполагаемымъ согласіемъ или предполагаемымъ пору-

ченіемъ лицъ, на то уполномоченныхъ, дѣйствуетъ противозаконно и подпадаетъ подъ норму § 223 угол. улож., запрещающую подобные проступки. Еще съ большей несомнѣнностью проявляется такая противозаконность, когда врачъ дѣйствуетъ вопреки выраженной волѣ больного. Эти основныя положенія, примѣненныя къ настоящему случаю, привели бы къ заключенію о невиновности обвиняемаго, если бы онъ видѣлъ въ поступленіи ребенка К. въ больницу и именно въ ея хирургическое отдѣленіе, согласіе родителей на оперативныя дѣйствія и, основываясь на этомъ, не испросилъ отъ нихъ спеціальныхъ и точныхъ объясненій и приступилъ къ операціи. Но такъ какъ установлено, что, до начала его оперативныхъ дѣйствій— отнятія костей ноги, законный представитель ребенка, котораго предполагалось оперировать, отнялъ порученіе дальнѣйшаго его врачеванія и рѣшительно отказалъ въ согласіи на операцію ноги, то дѣяніе обвиняемаго носитъ всѣ объективные признаки противозаконности. Далѣе, признано доказаннымъ, что обвиняемый сознавалъ означенную противозаконность своихъ дѣйствій. Это преступное сознаніе, пополняющее субъективный составъ дѣянія, предусмотрѣннаго § 223 угол. улож., не уничтожается тѣмъ, какъ далѣе говоритъ приговоръ, что обвиняемый разсчитывалъ получить въ будущемъ заднимъ числомъ согласіе отца, который будетъ тогда лучше освѣдомленъ. Разъ обвиняемому въ то время, когда онъ совершалъ инкриминируемыя тѣлесныя поврежденія, не принадлежало никакого права на ихъ совершеніе, и разъ онъ сознавалъ отсутствіе юридическаго полномочія, сопровождающаго его дѣйствія во время резекціи, то съ первымъ разрѣзомъ ножа, который онъ произвелъ надъ тѣломъ ребенка, проступокъ былъ законченъ, и было обосновано требованіе наказанія со стороны государства. Этотъ публично правовой фактъ никакой частной волей не могъ быть уничтоженъ. То, что судьѣ низшей инстанціи здѣсь кажется позднѣйшимъ согласіемъ и одобреніемъ, въ дѣйствительности, въ юридическомъ смыслѣ, есть не болѣе, какъ позднѣйшее прощеніе уже совершеннаго нарушенія закона. Воля человѣка можетъ дѣйствовать только на факты настоящіе и будущіе, но не на прошедшіе. Одобритъ ли позднѣе или не одобритъ ампутацію паціентъ, лишенный подъ наркозомъ костей ноги или всей ноги, случившееся не можетъ быть измѣнено ни въ объективномъ, ни въ субъективномъ отношеніи. Притомъ неизвѣстно, на сколько времени должно быть отложено разрѣшеніе вопроса о законности операціи, обусловливаемой такимъ, уголовному праву совершенно неизвѣстнымъ, позднѣйшимъ согласіемъ, и другого зависящаго отъ него вопроса о

совершенiи проступка,—если предоставить оперирующему противъ воли больного врачу долговременными переговорами, научными спорами и т. п. убѣждать позднѣе больного или его близкихъ въ пользѣ и необходимости совершенной операцiи; во всякомъ случаѣ должна быть объективно установлена уголовно правовая дѣйствительность такого позднѣйшаго согласiя, если субъективно слѣдуетъ придавать юридическую дѣйствительность одной надеждѣ на нее врача. То, что приговоромъ признается за отсутствiе субъективной противозаконности, на дѣлѣ есть даже не вѣра обвиняемаго въ свое право, а лишь убѣжденiе въ томъ, что онъ лучше понимаетъ тѣлесное благо больного ребенка, чѣмъ его отецъ, и что у него есть болѣе вѣскiя основанiя для совершенiя операцiи, чѣмъ тѣ, которыя привелъ противъ нея К., вѣрующiй въ лѣченiе природой, и что, вслѣдствiе этого, если бы въ будущемъ дошло до объясненiй, онъ будетъ богаче его аргументами. О томъ, что изложенiе приговора приходитъ къ такому предпочтенiю свѣдущаго врача предъ ограниченнымъ умомъ частнаго лица, явствуетъ еще изъ того, что, какъ приговоромъ признано, обвиняемый могъ бы, узнавъ передъ самой операцiей о несогласiи отца, безъ всякаго вреда для больной отложить операцiю на цѣлые дни и недѣли. Онъ съ полнымъ сознанiемъ пошелъ противъ несогласiя не вслѣдствiе настойчивой опасности, уполномочивающей его предполагать, что необходимо теперь, и именно теперь, предпринять операцiю, и потому всякiй разумный человѣкъ долженъ одобрить совершенную 23 iюня резекцiю, но потому, что онъ съ высоты своего положенiя, какъ хирурга, считалъ несогласiе отца вообще недостойнымъ вниманiя. Въ связи съ этимъ лишенъ значенiя и неясный оборотъ въ мотивахъ приговора, гдѣ ставится на видъ дѣлаемое обвиняемымъ различiе между «дѣйствительно серьезной волей» и несерьезной. Рѣшенiе, принятое даже въ аффектѣ, въ возбужденномъ состоянiи является въ юридическомъ смыслѣ волей дѣйствительной, наличной, серьезной и юридически дѣйствительной. Очевидно въ такомъ случаѣ, что приговоръ хочетъ этимъ оборотомъ выразить лишь то, что обвиняемый вообще не былъ склоненъ принимать «въ серьезъ» взглядовъ и волеизъявленiй содержателя гостинницы К. о хирургическихъ операцiяхъ. Это можетъ оправдываться съ медицинской точки зрѣнiя, съ общечеловѣческой это можетъ быть въ высшей степени простительно, но съ точки зрѣнiя уголовнаго права — обвиняемый поступилъ противозаконно и совершилъ проступокъ, наказуемый §§ 223 и слѣд. угол. улож.

III.

ЗАКОНЫ, ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ОТВѢТСТВЕННОСТИ ВРАЧЕЙ.

Уложеніе о наказаніяхъ.

Ст. 110. Строгость опредѣленнаго въ законѣ наказанія за преступленіе, учиненное безъ намѣренія, увеличивается, когда учинившій оное, по званію своему или обстоятельствамъ, былъ обязанъ дѣйствовать съ особенною осмотрительностью; сія строгость уменьшается, когда дѣяніе подсудимаго по существу своему было не противозаконное, а вредныя онаго послѣдствія не могли быть имъ легко предвидѣны, или же когда онъ въ семъ случаѣ увлекался излишнею въ исполненіи возложенныхъ на него обязанностей ревностью. Когда же неосторожиость дѣянія, бывшаго причиною сдѣланнаго зла, оправдывается обстоятельствами, по коимъ никакъ нельзя было ожидать и предполагать вредныхъ онаго послѣдствій, то виновному въ сей неосторожности дѣлается только приличное на счетъ оной внушеніе

Ст. 870. Когда медицинскимъ начальствомъ будетъ признано, что врачъ, операторъ, акушеръ или повивальная бабка, по незнанію своего искусства, дѣлаютъ явныя, болѣе или менѣе важныя въ ономъ ошибки, то имъ воспрещается практика, доколѣ они не выдержатъ новаго испытанія и не получатъ свидѣтельства въ надлежащемъ знаніи своего дѣла.

Если отъ неправильнаго леченія послѣдуетъ кому либо смерть или важный здоровью вредъ, то виновный, буде онъ христіанинъ, предаётся: церковному покаянію по распоряженію своего духовнаго начальства.

Ст. 871. Давшіе дозволеніе на врачебную практику лицамъ, неимѣющимъ всѣхъ требуемыхъ для сего закономъ свѣдѣній, подвергаются: взысканіямъ и наказаніямъ на основаніи правилъ, въ ст. 388 сего уложенія опредѣленныхъ.

За всякій вредъ, происшедшій отъ невѣжества лицъ, занимающихся оспоприхиваніемъ, съ дозволенія медицинскаго чиновника, сей чиновникъ подвергается: денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей; а виновные оспопрививатели, если зло послѣдовало отъ не-

исполнѣнія предписанныхъ имъ правилъ или отъ небрежности, присуждаются: къ аресту на время отъ семи дней до трехъ недѣль.

Ст. 1466. Кто безъ намѣренія учинить убійство дозволитъ себѣ какое либо дѣйствіе, противное ограждающимъ личную безопасность и общественный порядокъ постановленіямъ, и послѣдствіемъ онаго, хотя и неожиданнымъ, причинится кому либо смерть, тотъ за сіе подвергается: заключенію въ тюрьмѣ на время отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ.

Если, однакожъ, за то противное установленному порядку дѣяніе опредѣлено въ законахъ другое, строжайшее наказаніе, то виновный подвергается оному, на основаніи правилъ, постановленныхъ о совокупностип реступленій. Во всякомъ случаѣ, буде онъ принадлежитъ къ одному изъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, то предается церковному покаянію по усмотрѣнію своего духовнаго начальства.

Ст. 1468. Если отъ дѣянія, закономъ не воспрещеннаго и такого рода, что нельзя было съ вѣроятностію ожидать вредныхъ отъ него послѣдствій, но однакожъ явно неосторожнаго, причинится кому либо смерть, то виновный или виновные въ непринятіи надлежащихъ мѣръ предосторожности подвергаются за сіе, смотря по обстоятельствамъ дѣла и сообразно съ правилами, означенными въ статьѣ 110 сего Уложенія: или заключенію въ тюрьмѣ на время отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ; или аресту на время отъ трехъ дней до трехъ мѣсяцевъ; или же строгому выговору въ присутствіи суда. Они также, буде принадлежатъ къ одному изъ христіанскихъ исповѣданій, во всякомъ случаѣ, предаются церковному покаянію по распоряженію своего духовнаго начальства.

Уставъ врачебный (*Св. зак. т. XIII, изд. 1892 г.*).

Ст. 81. Первый долгъ всякаго врача или акушера есть: быть человѣколюбивымъ и во всякомъ случаѣ готовымъ къ оказанію дѣятельной помощи всякаго званія людямъ, болѣзнями одержимымъ. Качества сіи несравненно еще нужнѣе для оператора, поелику безъ помощи его иногда никакія средства не въ состояніи не только исцѣлить, но и облегчить болѣзни. Посему каждый, не оставившій практики врачъ, акушеръ, операторъ и т. п. обязанъ по приглашенію больныхъ являться для поданія помощи.

Ст. 82. Операторъ, призванный къ больному, надъ которымъ нужно сдѣлать операцію, буде время и обстоятельства терпятъ, не

долженъ совершать оную безъ совѣтовъ и присутствія другихъ врачей, а особливо при важныхъ случаяхъ.

Ст. 106. Обязанности и отвѣтственность, возложенныя на служащихъ медицинскихъ чиновъ и изъясненныя въ статьяхъ 81, 82, 87 и 88, возлагаются и на вольнопрактикующихъ врачей.

Ст. 690. Подавать врачебныя пособія людямъ, болѣзнями одержимымъ, есть долгъ врачей. Посему каждый не оставившій практики врачъ операторъ, акушеръ, фельдшеръ, повивальная бабка и тому подобные должны по приглашеніямъ являться къ больнымъ и давать имъ помощь безденежно или за плату, на основаніи правилъ, въ первой книгѣ сего устава изложенныхъ.

Законы о причисленіи къ почетному гражданству съ разъясненіями. 1902 г. Ц. 25 к.

Законы о вѣрѣ и вѣротерпимости (съ прилож. свода разъясн. по рѣшеніямъ Сената). Составилъ *Я. А. Канторовичъ.* Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.

Законы о бракѣ и разводѣ (Сборникъ постановленій дѣйств. законод., относящихся къ союзу брачному и расторженію браковъ, съ прилож. свода разъясн. по кассац. рѣшен. Сената). Составилъ *Я. А. Канторовичъ.* Спб. 1899 г. Ц. 1 р 25 к.

Законы о женщинахъ (Сборникъ всѣхъ постановл. дѣйств. законод., относящихся до лицъ женскаго пола). Составилъ *Я. А. Канторовичъ* Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Законы о дѣтяхъ (Сборникъ постановленій дѣйств. законод., относящихся до малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ, съ прилож свода разъясненій по кассац. рѣшен. Сената). Составилъ *Я. А. Канторовичъ.* Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Законы объ узаконеніи и усыновленіи дѣтей (съ объясненіями, извлеченными изъ мотивовъ закона 12 Марта 1891 г., и съ разъясненіями по опредѣл. Правит. Сената) Составилъ *Я. А. Канторовичъ.* Спб. 1899 Ц. 50 к.

Законы о безумныхъ и сумасшедшихъ (съ прилож. свода разъясн. по кассац. рѣшен. Сената). Составилъ *Я. А. Канторовичъ.* Спб. 1899 г. Ц. 75 к.

Законы о безвѣстно-отсутствующихъ (съ прилож. свода разъясн. кассац. рѣшен. Сената). Составилъ *Я. А. Канторовичъ.* Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Новое уголовное уложеніе. (Высоч. утвержд. 22 марта 1903 г.), со прил. алфав. указателя. Ц. 60 к.

Законы о личномъ наймѣ (съ прилож. свода разъясн. по кассац. рѣшен. Сената). Составилъ *Я. А. Канторовичъ.* Спб. 1889 г. Ц. 1 р.

Законы о привиллегіяхъ на изобрѣтенія и усовершенствованія въ главнѣйшихъ государствахъ. Составилъ *Я. А. Канторовичъ.* Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.

Законъ о ростовщичествѣ, съ изложеніемъ разсужденій, на коихъ онъ основанъ, и съ разъясн. по кассац. рѣш. Сената Составилъ тов. оберъ-прокурора Угол. Касс. д-та Сената. *А. К. фонъ-Резонъ.* Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Честь въ философіи и въ правѣ. Проф. *І. Экштейна.* Изд. 3-е. Спб. 1899 г. Ц. 80 к.

Общественное мнѣніе. Проф. *Ф. Гольцендорфа.* Изд. 3-е. Спб. 1899 г. Ц. 80 к.

Литературная собственность (съ приложеніемъ всѣхъ постановл. дѣйств. законод. о литератур., худож. и музык. собственности вмѣстѣ съ разъяснен. по кассац. рѣш. Сената). *Я. А. Канторовича.* Изд. 3-е. Спб. 1899 г. Ц. 80 к.

Женщина въ правѣ. *Я. Оровича.* Изд. 3-е. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 60 к.

Преступность и преступники (Уголовно-психологическіе этюды). *Д. А. Дриля.* Изд. 2-е. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 20 к

Шекспиръ съ точки зрѣнія права. (Шейлокъ и Гамлетъ), проф. *І. Колера,* Изд. 2-е. Спб. Ц. 80 к.

Судебные ораторы въ древнемъ мірѣ. *А. Морилло и Г. Дебена.* Спб. 99. Изд. 2-е. Ц. 80 к.

Гипнотизмъ въ правѣ, д-ра *С. Фишера.* Изд. 2-е. Спб. 99. Ц. 1 р.

Средневѣковые процессы о вѣдьмахъ. *Я. Канторовича.* Изд. 2-е. Спб. 99. Ц. 1 р.

Родители и дѣти (съ прилож. постанов. дѣйств. законод., опредѣляющихъ взаимныя отношенія родителей и дѣтей). *И. Гуревича.* Изд. 2-е. Спб. 99. Ц. 1 р.

Гражданскій бракъ, проф. *Н. С. Суворова.* Изд. 2. Спб. 99. Ц. 80 к.

Исторія политико-экономическихъ доктринъ, пр. *А. Эспинаса,* Изд. 2. Спб. 99. Ц. 1 р.

Тюремный міръ (типы и характеристики). *Э. Лорана.* Изд. 2. Спб. 99. Ц. 1 р. 60 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1903 г.

на НОВЫЕ ЖУРНАЛЫ:

1) Еженедѣльный

„СУДЕБНОЕ ОБОЗРѢНІЕ"

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

БИБЛІОТЕКИ СУДЕБНЫХЪ ПРОЦЕССОВЪ.

Подписная цѣна на годъ съ доставкой и пересылкой **4** р.

„Судебное Обозрѣніе" посвящено судебнымъ процессамъ, гражданскимъ, и уголовнымъ, въ обширномъ и разнообразномъ ихъ значеніи — психологическомъ, общественномъ, бытовомъ, юридическомъ и судебно-техническомъ, а также вопросамъ касающимся судоустройства и судопроизводства вообще и условій отправленія правосудія и быта судебныхъ дѣятелей въ частности. Наиболѣе интересные изъ русскихъ и иностранныхъ процессовъ изложены во всей полнотѣ судебнаго слѣдствія и судебныхъ преній и выходятъ отдѣльными книжками, какъ приложеніе къ **„Судебному Обозрѣнію"**.

---

2) Двухнедѣльный

„ВѢСТНИКЪ СЕНАТСКОИ ПРАКТИКИ"

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

„Сборника рѣшеній гражд. и угол. Касс. д-товъ и Общ. Собр. Сената".

Подписная цѣна на годъ съ перес. и доставк. **5** р.

„Вѣстникъ Сенатской Практики" посвященъ обзору текущихъ рѣшеній и опредѣленій Сената по всѣмъ его департаментамъ, преимущественно административнымъ (1-му и 2-му), причемъ матеріалъ снабженъ указателями: 1) систематическимъ, 2) предметнымъ алфавитнымъ и 3) постатейнымъ.

---

3) Ежемѣсячный

Вѣстикъ законодательства и циркулярныхъ распоряженій.

Подписная цѣна на годъ съ доставкой и перес. **2** р.

„Вѣстникъ Законодательства и циркулярныхъ распоряженій" заключаетъ въ себѣ:

1) Новыя узаконенія (распубликованныя въ Собраніи узаконеній и распоряженій Правительства).

2) Циркуляры, разъясненія и распоряженія по всѣмъ министерствамъ.

3) Указатели (въ каждомъ № и сводные въ концѣ года), предметные въ алфавитномъ порядкѣ и постатейные, къ текущимъ узаконеніямъ и циркулярнымъ распоряженіямъ.

Подписн. цѣна на всѣ три изд. вмѣстѣ съ дост. и перес. 9 р. (вмѣсто 11 р.).

Для подписавшихся на всѣ три изданія вмѣстѣ допускается разсрочка: при подпискѣ—**5** р. и къ 1-му Мая—**4** р.

Издатель *Я. А. Канторовичъ*. Редакторъ *Я. А. Плющевскій-Плющикъ*.

Адресъ конторы редакціи: С.-Петербургъ, Ямская, 21.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 6 Мая 1902 г.